

РИДЖУЭЛ КАЛЛЕМ

НОЧНЫЕ ВСАДНИКИ.
НАРУШИТЕЛИ ЗАКОНА
(СБОРНИК)

Классика приключенческого романа

Риджуэл Каллем

**Ночные всадники.
Нарушители закона (сборник)**

«Public Domain»

1906, 1914

УДК 82/89
ББК 84(7США)

Каллем Р.

Ночные всадники. Нарушители закона (сборник) / Р. Каллем — «Public Domain», 1906, 1914 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-02782-6

Риджуэл Каллем (1867–1943) – псевдоним американского литератора Сиднея Грейвза Бурхарда. По натуре авантюрист и страстный искатель приключений, он в семнадцатилетнем возрасте покинул Англию и, сраженный золотой лихорадкой в Трансваале, отправился в Южную Африку. Множество приключений выпало на долю будущего писателя. Он участвовал в англо-бурской войне, затем, соблазненный перспективами страны Сагены, этого канадского варианта Эльдорадо, пересек океан, чтобы попасть на Юкон, где чудом избежал голодной смерти; позднее замерзал на золотых приисках Клондайка. Затем стал успешным скотоводом в Монтане, принимал участие в восстании индейских племен сиу... После успеха своего первого романа «Бочонок дьявола» (1903) решил посвятить себя писательскому ремеслу и за сорок лет творческой деятельности выпустил свыше трех десятков книг, большинство из которых можно отнести к жанру вестерна. Действие романов «Ночные всадники» и «Нарушители закона», представленных в данном томе, происходит в XIX веке на бескрайних просторах канадских прерий. Их герои – ковбои и разбойники.

УДК 82/89
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-486-02782-6

© Каллем Р., 1906, 1914

© Public Domain, 1906, 1914

Содержание

Ночные всадники	7
Глава I	7
Глава II	12
Глава III	17
Глава IV	22
Глава V	26
Глава VI	31
Глава VII	37
Глава VIII	42
Глава IX	50
Глава X	57
Глава XI	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Риджуэл Каллем
Ночные всадники
Нарушители закона
(сборник)

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», 2009

Ночные всадники

Глава I Первые впечатления

Поселок Форкс, ютившийся около сорока лет тому назад под тенью Скалистых гор в Южной Альберте, больше не занимает места на карте Канады. Такова участь многих маленьких поселений в новых странах – быстро появляться на свет и также быстро исчезать, не оставляя следа в памяти людей.

Было далеко за полдень, когда Джон Треслер въехал в поселок, и его усталая лошадь ленивой трусцой направилась к зеленой поляне, служившей базарной площадью. Он подтянул поводья и осмотрелся. Вокруг было пусто. В такие жаркие безоблачные дни жители Форкса не любили без особенной надобности разгуливать по улицам.

Треслер не привык к долгой езде верхом. Горло у него пересохло, руки и ноги одеревенели. Монотонность прерии действовала на него удручающе, и новая страна представлялась ему неприветливой и скучной.

Теперь он смотрел на деревянные дома, обступившие площадь, и хотя все они были одинаково невзрачны, но после долгого пути по бесконечным отлогим волнам травяной степи каждый из них говорил ему о человеческом обществе – а это теперь было главным, в чем он нуждался. Наконец в одном из окон он увидел несколько лиц, с любопытством глядевших в его сторону. Этого было достаточно! Пришпорив свою лошадь, он направился к ним.

Вслед за тем жизнь проявилась еще в форме маленького человечка, робко обогнувшего угол дома и остановившегося перед Треслером. Это была забавная фигура с темно-коричневым лицом, похожим на степную дорогу, изборожденную колеями, с длинными волосами и волнистой бородой цвета свежего сена. Его одежда вполне соответствовала его наружности: грязные молескиновые штаны, поношенная черная куртка поверх синей рубашки, ярко-красный платок, повязанный вокруг шеи, и широкополая шляпа, сдвинутая на затылок.

Треслер придержал лошадь и с трудом соскользнул на землю.

– Это поселок Форкс? – спросил он с поощряющей улыбкой.

Незнакомец замигал глазами.

– Гм... да, – пробормотал он чуть слышно.

– Не можете ли вы указать мне гостиницу?

Незнакомец уставился на широкие бархатные штаны Треслера, сшитые специально для верховой езды, и был, казалось, совершенно поглощен невиданным зрелищем. Вместо ответа он только кивнул головой в сторону дома.

Треслер с сомнением поглядел на это здание, представлявшее собою простую двухэтажную избу, покосившуюся и весьма непривлекательную с виду.

В этот момент дверь гостиницы открылась и оттуда вышли еще двое, критически осматривая на Треслера и его лошадь. Они стали у дверей и, с явным пренебрежением к новому гостю, молча жевали табак.

Треслер решил задать последний вопрос. Это было его первое знакомство с прерией, и он еще не чувствовал уверенности в себе.

– Нет ли кого-нибудь, кто бы посмотрел за моей лошастью? – сказал он нерешительно.

– Привяжите ее к тому столбу и спросите сами в трактире, – заметил маленький человек, по-прежнему с интересом осматривая нижнюю часть его костюма.

Треслер послушно последовал его совету. Затем он снова подошел к маленькому человеку, рядом с которым казался почти великаном.

– Простите, – сказал он, – могу я узнать, с кем я имею удовольствие говорить? Меня зовут Джон Треслер. Я еду в Москито-Бенд, на ранчо Джулиена Марболта. Как видите, я здесь совсем чужой человек! Вероятно, вы это уже заметили, – прибавил он, добродушно усмехаясь.

Однако внимание маленького человека нельзя было отвлечь от заинтересовавшей его бархатной материи, и он отвечал, не поднимая глаз:

– Мое имя Ренкс, а прозвище Кабачок.

– Хорошо, мистер Ренкс...

– Меня зовут Кабачок, – прервал его тот.

– Ладно, тогда мистер Кабачок, – проговорил Треслер, улыбаясь.

– Просто Кабачок.

Это слово было произнесено с некоторой гордостью. Оно представляло собою его собственную почетную кличку, освещенную обычаем прерии. Имя же Ренкс было передано ему по наследству от родителей и не имело в его глазах никакого значения.

Треслер расхохотался.

– Отлично, Кабачок! Не пройти ли нам выпить, а? Я страшно устал, и в горле у меня аравийская пустыня.

Он сделал несколько шагов по направлению к двери и оглянулся. Мистер Ренкс не двинулся с места. Только его удивленный взгляд продолжал следить за каждым движением нового знакомого.

– Разве вы не пойдете со мной? – спросил Треслер и продолжал: – Послушайте, какого черта вы уставились на мои ноги?

Инстинкт самосохранения заставил его внимательно осмотреть свои шаровары, но он не заметил ничего особенного.

Кабачок поднял глаза, блеснувшие неподдельным изумлением из-под нависших бровей, и широкая улыбка расплылась по его волосатому лицу.

– Пустяки, – заметил он более дружелюбным тоном. – Хотел бы я представить себе того парня, для которого сшили такие штаны! – Он сплюнул и глубокомысленно покачал головой. – Ручаюсь, что это какой-нибудь городской франт и большой неженка!

Треслер был готов резко ответить, но один взгляд на мистера Ренкса и сдержанные смешки, доносившиеся со стороны гостиницы, заставили его изменить свое намерение. Он быстро повернулся и был встречен взрывом хохота. И тогда ему все стало ясно.

– Придется платить за выпивку, – сказал он с некоторой грустью. – Что ж, идем все со мною. Да, я неженка!

Этот ответ сразу стяжал ему достойное место в обществе. Через каких-нибудь пять минут его лошадь была поставлена в конюшню, и сам он познакомился со всеми посетителями гостиницы, еще через пять минут он уже называл всех по их кличкам и прозвищам и угощал их контрабандным виски по неслыханной цене, которой хозяин трактира Айк Карней облагал, как данью, жителей Форкса.

Айк Карней изо всех сил старался быть любезным.

– Так вы едете в Москито-Бенд? – заметил он, подавая Треслеру сдачу со ста долларов. – Отличное место, вы увидите сами. Лучшее ранчо в нашем округе!

– Еще бы, – вмешался Кабачок, взбираясь на высокую табуретку перед буфетом. – Этот старый слепой мул сумел-таки недурно округлить свои владения.

– Мул! – с глубочайшим презрением произнес Шеки Пиндль, плотник, огромный, медлительный и мрачный человек, про которого его друзья говорили, что он неспособен улыбаться. – Видно, что ты не работал у него, Кабачок! По-моему, он просто обезьяна. Правда, он лягается,

как мул, но на этом кончается сходство. Всякий мул – трудолюбивый, достойный гражданин, чего нельзя сказать о Джулиене Марболт.

– Что можно требовать от слепого? – сказал Треслер. – Подумайте о его положении.

Шеки потряс своей козлиной бородкой и процедил сквозь зубы:

– Его положение тут ровно ни при чем. Поверьте моему слову, эта слепая обезьяна и его управляющий, Джек Гарнак, вдвоем стоят целой тысячи чертей! Прошлым летом я строил у них амбар, так уж мне ли не знать.

– Весьма утешительно для меня, – заметил Треслер со смехом.

– О, вам он не покажет себя с дурной стороны, – сказал Карней.

– Как-никак мне предстоит три года учиться на этом ранчо, – продолжал Треслер, – и я должен знать, кому плачу деньги.

Его слова были покрыты дружным смехом всего общества за исключением невозмутимого Шеки. Особенно заливался Твирли, мясник, веселый, толстый и навязчивый. Он даже ухватился обеими руками за буфет, чтобы поддерживать свое грузное тело, сотрясавшееся от смеха.

– И вы еще ему платите за учение? – спросил он недоверчиво, когда прошел первый пароксизм веселости.

– Кажется, в этой стране ничто не дается даром, – сухо ответил Треслер.

Его осмеяли в большей степени, чем он рассчитывал. Но он поборол свою досаду и, оглядев по очереди всех своих собеседников, задал им прямой вопрос:

– В чем дело? Что из себя представляет этот Джулиен Марболт?

Ответ последовал не сразу. Первым нарушил молчание Кабачок:

– Джулиен Марболт слеп, – сказал он тихо.

– Это я знаю, – нетерпеливо возразил Треслер. – Но я хотел бы знать больше.

Он посмотрел на окружающих. Мясник продолжал смеяться. Хозяин гостиницы покачивал головой. Наконец Треслер перевел взгляд на Шеки.

– Ладно, – сказал плотник с внушительным видом человека, взвешивающего каждое слово. – Я кое-что знаю о слепом хозяине. И то, что я знаю, отвратительно! Я видел такие вещи в этом ранчо, которые заставляли меня крепче сжимать топор, чтобы не махнуть им по головам вместо бревен. Я видел собственными глазами, как этот проклятый Джек Гарнак, управляющий, бил до полусмерти рабочих, а слепой хозяин стоял рядом, будто любовался этим зрелищем. И его безобразная рожа расплывалась от удовольствия при каждом ударе. Я видел, как некоторые из этих парней падали на землю и ползали у ног хозяина, точно побитые собаки. Я видел ад в этом ранчо! Вы спросите, почему они это терпят? А потому, что для них не найдется работы в нашей стороне после того, как с ними разделался Джулиен Марболт. «Где ты работал раньше?» – спросит какой-нибудь управляющий. «В Москито-Бенд», – ответит рабочий. «Проваливай, – скажет управляющий. – У нас не скотобойня!» Вот что такое Москито-Бенд, – закончил Шеки, с удивительной точностью плюнув через буфет прямо в плевательницу.

– Правильно, – подтвердил Твирли со смехом.

Разговор на время затих, пока Айк Карней наполнял стаканы. В комнате становилось темно. Треслер курил и раздумывал, стараясь отделить факты от вымысла в рассказе Шеки. Наконец он снова заговорил, и все глаза опять повернулись к нему.

– Разве нет закона? Никогда не поверю, чтобы люди сидели сложа руки при таком обращении.

Его слова относились непосредственно к Шеки.

– Закон! – воскликнул плотник. – В этих краях мы еще не знаем закона. Может быть, он придет, но пока что для нас существует один закон, тот, который сидит у нас на шее. Да, Джек Гарнак – скотина, каких мало, и по силе стоит двоих, а все-таки один раз и он сдался. Скажи,

Айк, – с этими словами он повернулся к трактирщику, – ты помнишь тот день, когда Черный Энтони поступил к нему на службу. С Черным Энтони шутки плохи!

– Пожалуй, – подтвердил Айк Карней. – Кроме него, не найдется другого человека, кто потягался бы с Джеком.

Мясник снова расхохотался, а Кабачок молча кивнул головой.

– Кто это Черный Энтони? – спросил Треслер, обращаясь к хозяину гостиницы.

– Энтони? Это конюх Марболта, французский метис. Сильный человек. Я думаю, вы его увидите.

– Одному я не могу поверить, – сказал Кабачок, внезапно оживляясь, – что Энтони способен честно зарабатывать себе хлеб. Больно уж он тихий и скрытный. Кто его знает! Мы слышали о нем кое-что не очень лестное.

Разговор опять замер. Треслер с любопытством поглядывал на своих собутыльников. До сих пор он считал, что цивилизация является неотъемлемой принадлежностью белой расы. Но теперь он чувствовал, что попал на самую границу культурного мира, за которой начиналась новая неизведанная область.

Он был окружен примитивными людьми, уснащавшими свою речь отборной руганью, с кулаками и револьверами наготове. Быть может, иной благонамеренный наблюдатель причислил бы их к подонкам общества; тем не менее они сами завоевали себе право на жизнь, и эта черта выгодно отличала их от многих тысяч почтенных граждан, живущих по букве закона. Вопреки всему Треслер чувствовал к ним симпатию и даже некоторое уважение.

Подшло время ужина. Айк Карней не имел обыкновения угощать своих гостей чем-либо более существенным, чем виски. Поэтому Кабачок пригласил Треслера к себе. Его жена, Салли Ренкс, женщина необъятных размеров, неопрятная и крикливая, кормила ежедневно одиннадцать пансионеров разными кушаньями, для преодоления которых требовался чудовищный аппетит. Треслер оказался двенадцатым. В первый раз в жизни он сидел за столом без скатерти, орудуя ножом и вилкой, ни разу не чищенными с момента выпуска из завода, и пил вываренный чай из жестяной кружки, сохранившей следы эмали. Нет, он больше не был прежним Джоном Треслером, только что приехавшим из старой Англии. Он чувствовал себя заправским жителем прерий.

После ужина многие вернулись в трактир, и Треслер хотел последовать их примеру. Но Кабачок удержал его.

– Вот что, приятель, – сказал он тихо и дружелюбно, – тут трое парней желают сыграть в картишки. Это лучше, чем болтаться в трактире. Ставка не больше одного доллара.

И Треслер остался. Результат был неизбежен. К полуночи четверо жителей Форкса несколько разбогатели, а их гость соответственно обеднел – ровно на остаток со ста долларов, разменных им в трактире. Он не знал, как это случилось: была ли это нечестная игра или просто ему не повезло. Он слишком устал. Им овладела сонливость задолго до конца игры. Только на следующее утро он сообразил, что его каким-то таинственным образом оставили в дураках. Однако он принял это открытие с философским спокойствием, решив использовать его в будущем.

Эту ночь Треслер проспал на соломенной подстилке, брошенной на пол. Собственная одежда служила ему подушкой, и пара простынь сомнительного вида, предоставленных ему хозяйкой, составляли высший комфорт прерии. Около него спали еще четверо, наполняя громовым храпом маленькую комнату.

После утреннего завтрака он расплатился и приготовился к отъезду. Его первый знакомый в Форксе – Кабачок – остался его другом до конца. Он позаботился о его лошади, сдержанно похвалил ее и на прощание снабдил ее владельца несколькими полезными советами.

– Треслер, – закончил он, добродушно усмехаясь и трясая его руку, – я очень рад, что мы встретились! А то вы, как новичок в наших краях, могли бы попасть в лапы каким-нибудь

негодьям, которые не умеют обращаться с гостем. Черт их знает, сколько их развелось у нас в Форксе! И вот что, Треслер... Там, в Москито-Бенд, есть одна девушка. Это дочка слепого хозяина. Хороша собою, а только не советую вам волочиться за нею при старике.

Треслер расхохотался.

– Спасибо, – ответил он, вскакивая в седло, – и до свидания. Благодаря вашей любезности я сегодня умнее, чем был вчера. Нет, не буду волочиться за этой девушкой. Обещаю вам, Кабачок.

Глава II

Москито-Бенд

Гостеприимный поселок Форкс утонул далеко позади, в золотистом тумане знойного летнего дня.

Десять миль пути оставалось до ранчо Москито-Бенд, еще десять миль однообразной волнистой степи. Треслер уже привык к дороге, торопиться было некуда, и он предоставил своей лошади плестись трусцой.

Герой нашей повести сделал то, что делали многие предприимчивые люди до него и после. В двадцать пять лет, оказавшись обладателем небольшой суммы денег, полученной по наследству, не будучи при этом связанным ни семьей, ни профессией, отчего не попытаться счастья на новых местах! Выросший и воспитанный в глухом уголке старой Англии, в бедном землею Корнуолле, он решил сколотить себе новый дом на тучной земле Западной Канады. Занятие скотоводством было его главной целью. Для этого он искал ранчо, в котором можно было бы основательно изучить дело, прежде чем начать собственное предприятие.

Из официальных источников он узнал о существовании Москито-Бенд. В то время это было одно из самых крупных ранчо во всей стране. Треслер тотчас же вступил в переписку с его владельцем, Джулиеном Марболт. Условие было заключено, и он пустился в путь на запад, к Скалистым горам.

То, что он слышал в поселке Форкс, не поколебало его намерения. В конце концов он пришел к заключению, что эти страшные рассказы о хозяине и управляющем ранчо были вызваны какими-нибудь личными мотивами, а может быть, желанием смутить новичка и «неженку». Нет, Джон Треслер не был неженкой! Покачиваясь в своем седле, пока его лошадь бежала вперед, к неизвестному будущему, он думал о том, что в этой стране сила встречает силу и жестокость является печальной необходимостью.

Дорога медленно поднималась. Впереди, в юго-западном направлении, виднелась горная цепь, увенчанная снежными шапками. Треслер смотрел на них, пока они не утратили для него интерес новизны, и тогда его глаза снова обратились к безграничной равнине, расстилавшейся по обе стороны дороги. Он искал хотя бы одно деревце, речку или участок культивированной земли с колосющейся пшеницей. Но кругом на многие мили росла лишь тощая бурая трава, обожженная солнцем.

Затем вдруг, без всякого предупреждения, Треслер очутился на краю одной из тех многочисленных скрытых долин, в которые обрывается прерия вблизи Скалистых гор. Внизу извивалась широкая река, окаймленная лесом, похожая на тропу какого-нибудь доисторического чудовища. Шум бегущей воды доносился до него, вызывая заманчивое представление о прохладе и тени, и в первый раз за время своего долгого пути из Калфорда он забыл красоту парков и садов своей родины.

Слегка пришпорив лошадь, он стал спускаться по крутой тропинке и через каких-нибудь четверть часа достиг берега. Теперь оставалось выбрать путь: к западу или к востоку вдоль реки, или вперед, поперек ее.

По эту сторону реки возвышался величавый густой лес, прорезанный дорогой, как иглой готической церкви. Затем Треслер взглянул на противоположный берег, более отлогий и приветливый. Там, вдалеке, за лесом виднелась волнистая равнина, подобная той, которую он оставил позади. Без колебания он погнал свою лошадь в воду.

За рекою дорога круто сворачивала вправо, поднимаясь по узкой просеке между гигантскими соснами. Затем, через полмили пути, просека начала расширяться. Солнечные блики заиграли то там, то здесь в расступившейся чаще леса, освещая темную землю, покрытую шишками и хворостом.

За опушкой дорога пошла между низкорослым кустарником, на котором в разных местах красовалось белье, развешанное, по-видимому, для просушки. Вскоре Треслер услышал гнусавый мужской голос, распевавший заунывную песню и доносившийся откуда-то снизу, со стороны реки.

В том же направлении он заметил тропинку и, свернув с дороги, погрузился в заросли кустарника. Он был уверен, что неведомый певец поможет ему ориентироваться в местности.

На самом берегу реки Треслер увидел забавную сценку. Три лоханки на деревянных подставках были расположены полукругом, и над одной из них склонился маленький странного вида человечек, стиравший охапку белья, как заправская прачка. По правую сторону от него стоял железный очаг с большим котлом, из-под крышки которого выбивался пар. И всюду вокруг него кусты были покрыты бельем, развешанным для просушки.

– Добрый день! – крикнул Треслер, спрыгивая на землю.

Стирка тотчас прекратилась, и через плечо незнакомца выглянуло красное вспотевшее лицо с серыми бакенбардами и таким ртом, какого Треслер еще никогда не видывал. Он был скошен на одну сторону, и продолжением его служил красный шрам, проходивший через всю щеку, почти до уха.

– Где находится ранчо Москито-Бенд? – спросил Треслер, едва удерживаясь от смеха.

Маленький человечек опустил белье в лоханку и повернулся к Треслеру.

– Около мили дальше, – ответил он, уставившись серыми, внимательными глазами на своего собеседника. – Держитесь этой дороги, и через несколько минут вы будете у Слепого Черта.

– Может быть, вы сами оттуда... от Слепого Черта? – продолжал Треслер с улыбкой.

– Все может быть, – подтвердил тот. – Меня зовут Джо Нелсон. Когда-то я сам был скотопромышленником в Керрвилле, Техас... знаете? А теперь... – И он многозначительно провёл рукой по воздуху, указывая на развешанное белье...

– Отлично! А я – Джон Треслер. Я еду в Москито-Бенд.

– Значит, вы и есть «неженка»! – воскликнул Нелсон. – Вы тот самый парень из Англии, которого Джек должен обрабатывать?

– То есть, вы хотите сказать, учить? – мягко заметил Треслер.

– Ну да, – пробормотал маленький человек любезно, но без особого убеждения. Одна половина его лица исказилась гримасой, другая – приветливо улыбалась.

– Вот вы только что упомянули Слепого Черта. Что это значит? – спросил Треслер, в то время как его собеседник уставился на его ноги.

– О, ничего! Это только такое прозвище. Скажите... – и он протянул несоразмерно длинную руку и дотронулся пальцем до великолепных шаровар Треслера, – вы не собираетесь... вы не собираетесь кататься на оленях в таком наряде?

На этот раз Треслер почувствовал себя задетым.

– Черт возьми! – воскликнул он раздраженно. – Неужели вы никогда не видели порядочных штанов? Вы – скотопромышленник!

– Видел и не такие, – спокойно ответил Нелсон и, повернувшись к своим лоханкам, снова принялся за работу.

Треслер вскочил в седло и пришпорил лошадь.

Ранчо Москито-Бенд было расположено посреди обширной лужайки, окаймленной с одной стороны густым сосновым лесом. На склоне холма, отдельно от других строений, возвышался большой дом, с веранды которого открывался вид на прерию.

По-видимому, владелец ранчо был очень богатым человеком. Несмотря на это, Треслер испытал некоторое разочарование. Слишком тихим, слишком культурным показалось ему его будущее жилище. Он ожидал увидеть суетливую деятельность, услышать щелканье бичей, стрельбу и перекличку полудиких пастухов. Между тем нигде поблизости не было видно насто-

ящего стада, если не считать нескольких старых коров, молчаливо пасшихся на лужайке в обществе пары собак и одной лошади. И только небольшая группа рабочих, расположившихся в разных позах у низенького строения с соломенной крышей, дополняла эту мирную картину.

Треслер сошел с лошади и, оставив ее у пустого коралля, направился пешком к тому строению, где стояли люди.

На минуту глаза всех уставились на него, как будто он был каким-нибудь необыкновенным животным! Треслер почувствовал неловкость, вспомнив свою встречу с Кабачком и первое знакомство с Нелсоном, и невольно с тревогой посмотрел на свои бархатные штаны.

К счастью, оказанное ему внимание было весьма непродолжительным, и, когда он подошел, они как ни в чем не бывало возобновили прерванный разговор. Все это были настоящие пастухи, дети прерии. Широкополые шляпы украшали их буйные головы, и загорелые обветренные лица напоминали старую нечищеную бронзу.

Только один среди них выделялся своим бледным лицом, худобой и глубокими впадинами под глазами. Этот человек казался больным, только что поднявшимся с постели. Но зато он ораторствовал больше всех, сопровождая свою речь бурной жестикуляцией.

– В следующий раз, – говорил он, сжимая кулаки, – если опять появится Красная Маска или другой конокрад, я и пальцем не пошевелю. Я больше не слуга Слепому Дьяволу! Посмотрите на меня, похож ли я на этого «неженку»? – Он презрительно указал на Треслера. – Я потерял ведро крови, и в груди у меня была такая дыра, что в нее можно было бы запихнуть целый куль пшеницы. А теперь, когда я только что начал поправляться, он выгнал меня из дома только за то, что я разговаривал с его дочерью.

– Скажи, Аризона, – прервал его с лукавой улыбкой один из слушателей, – о чем же вы беседовали? Ты всегда был неравнодушен к мисс Диане.

Аризона свирепо обернулся.

– Заткни свою глотку, Роу! Если ты не знаешь, что такое настоящая леди, я берусь тебе это доказать...

– Брось, Аризона! Не стоит! Рассказывай дальше! – послышались голоса.

Аризона с минуту помолчал, словно собираясь с духом.

– Мисс Диана любит поболтать с нашим братом, – продолжал он несколько более спокойно. – А я поездил на своем веку немало, и ей нравятся мои рассказы. Вы все знаете, какая она добрая! Она ухаживала за мною, как родная сестра, перевязывала мою рану и сидела около меня часами. А в последний раз, когда я рассказывал ей о моих приключениях в Калфорде, вдруг входит этот мертвоглазый черт. Уставился на меня своими красными зрачками и говорит: «Довольно тебе торчать здесь, Аризона! Твое место в бараке с остальными рабочими. Я не позволю тебе болтать всякие глупости моей дочери». Я попробовал возразить, а он сразу затрясся и закричал: «Вон из моего дома! Чтобы твоего духу здесь не было! Сейчас же соберай свои вещи». Тогда мисс Диана подбежала к нему и говорит: «Стыдно, отец! Вспомни, как много Аризона сделал для тебя. Он спас тебе сотню голов скота. Он сражался с шайкой Красной Маски, пока не подошло подкрепление, пока сам он не упал с лошади, истекая кровью!» Много она говорила такого и даже заплакала, а все-таки ничего не вышло! И я должен был убраться. Держу пари, что эта скотина – Джек – попробует меня заставить работать. Но мы еще посмотрим...

Аризона опять потряс кулаком перед своим носом, но в этот момент один из рабочих крикнул:

– А вот и сам Джек, легок на помине!

Все головы сразу повернулись по направлению к дому, откуда по склону холма быстрыми шагами спускался управляющий. Треслер, стоявший на краю группы и слушавший рассказ Аризоны, с удивлением уставился на гигантскую фигуру, каждое движение которой обличало неслыханную силу. Он еще никогда не встречал таких людей.

Управляющий был еще довольно далеко, и Треслер не мог рассмотреть его лицо. Он видел только большую лопатообразную бороду и с неудовольствием подумал, что этот человек будет его начальником.

Разговор прекратился. Джек Гарнак взглянул на стоявшую внизу группу людей и замедлил шаги. Затем махнул рукой и крикнул:

– Эй, ты, красные штаны!

Вокруг послышались сдержанные смешки. Треслер понял, что этот зов относился к нему, и отвернулся, чтобы скрыть свою досаду.

– Ребята, пошлите-ка ко мне этого парня в красных штанах! – снова загремел голос управляющего.

И Треслер больше не мог уклониться от неприятной ему встречи.

Таким образом состоялось первое знакомство двух людей, наиболее ответственных за события, описанные в настоящей повести.

Треслер увидел перед собой человека, ростом почти на целую голову выше его и настолько же шире в плечах. Верхняя половина его лица, с нависшими густыми бровями над парой смелых, жестоких глаз, отличалась своеобразной красотой, но черная курчавая борода настолько закрывала его рот, подбородок и щеки, что положительно нельзя было понять, откуда исходили громоподобные звуки его голоса.

Встреча отнюдь не была дружеской. Они смотрели друг на друга, не проявляя никакой попытки соблюсти подобающую вежливость. Ни один не протянул другому руки, и между ними сразу назрел тот антагонизм, который часто превращается в ненависть.

– Разве вы не слышали, как я кричал? – спросил наконец Джек Гарнак.

– Да, я слышал... – И Треслер спокойно взглянул прямо в темные глаза перед ним.

– Тогда какого же черта вы не шли!

– Я не мог знать, что это относилось ко мне.

– Не мог знать! – повторил тот, возвышая голос. – Я думаю, тут не найдется другого парня с такими штанами. Теперь вот что, молодой человек, вы должны зарубить себе на носу, что я управляющий этого ранчо и по отношению к моим рабочим я здесь – полный хозяин! Если я вас позову, вы должны идти, да поживее. Слышали?

Треслер с трудом сдержался.

– Когда я буду вашим рабочим, – ответил он сухо. – Но я должен сказать, что я хочу видеть мистера Марболт, а вовсе не его управляющего. Если я не ошибаюсь, – он указал на строение на вершине холма, – это его дом.

И, не дожидаясь ответа, он двинулся вперед. Но в ту же минуту тяжелая рука опустилась на его плечо.

– Нет, это тебе не удастся, мой мальчик! – вскричал Джек, сжимая железными пальцами его куртку.

Треслер отскочил в сторону и быстрым маневром высвободился из его рук.

– Тронете меня еще раз, и вам придется плохо, – сказал он, сверкнув глазами и напрягая все свои мускулы. – Повторяю вам, что мне до вас нет никакого дела, пока я не переговорю с вашим хозяином. Успеет еще встретиться...

Он не двинулся с места и только опустил правую руку в карман своей куртки, напряженно следя за своим противником.

Он видел, как Джек Гарнак весь сжался, как тигр, готовящийся к прыжку. Он видел его огромные руки, конвульсивно приподнявшиеся над чудовищным туловищем, и темные глаза, готовящиеся выскочить из-под нахмуренных бровей. И наконец голос, хриплый и прерывающийся от душившего его гнева, произнес:

– Черт! Я тебя раздавлю, я тебя...

– Не думаю! – Тон Треслера сделался ледяным. – Здесь женщина, – прибавил он, замечая краем глаза чье-то белое платье.

И в тот же момент его пальцы выпустили рукоятку тяжелого револьвера, лежавшего в его кармане.

Трудно сказать, что могло бы произойти, если бы не это своевременное вмешательство. Руки Джека упали, и выражение его лица изменилось с такой внезапностью, которая казалась почти комичной. Белое платье мелькнуло перед ними. Треслер обернулся и приподнял свою широкополую шляпу.

– Мисс Марболт, если я не ошибаюсь? – сказал он с улыбкой. – Простите, что мне приходится представиться вам самому. Меня зовут Джон Треслер. Могу я видеть мистера Марболт?

Перед ним была девушка, показавшаяся ему в тот момент самым прелестным и самым печальным существом, какое он когда-либо видел. Ее загорелое лицо красиво оттенялось белизной платья, и нежный здоровый румянец щек казался отражением розового шарфа, повязанного вокруг шеи. Но наиболее сильное впечатление произвели на него ее глаза, темно-карие, отсутствующие и грустные, и легкая меланхолическая складка в уголках маленького рта.

Она взглянула на него из-под широкой соломенной шляпы и дружески протянула ему руку.

– Здравствуйте, мистер Треслер, – сказала она серьезно. – Мы вас ожидали. Но я боюсь, что вам не удастся увидеть отца сейчас. Он спит. Видите ли, для него день и ночь одинаковы. Он – слепой! И хорошо, что он может спать днем. По крайней мере, он забывает о своем несчастье. Поэтому я избегаю его будить. Но все-таки прошу вас к нам в дом. Вам надо позавтракать.

– Благодарю вас, мисс Диана.

Затем она повернулась к управляющему и смерила его холодным взглядом.

– Сегодня я никуда не поеду, Джек. Пока что распорядитесь подковать мою Бесси. Это давно пора сделать. Идемте, мистер Треслер.

Глава III Слепой

Когда они подошли к веранде, Диана вдруг остановилась и, обернувшись, внимательно и спокойно оглядела своего гостя с ног до головы.

– Гожусь? – спросил он, улыбаясь.

– Я думаю.

Оба расхохотались.

– Вы уверены? – продолжал Треслер. – Нет ли во мне чего-нибудь неподходящего. Мои... мой костюм, например?

Он не мог понять поведения девушки. Ее темное лицо на минуту приняло озабоченное выражение, затем сразу прояснилось.

– О, я вижу, – сказала она нерешительно. – Впрочем, нет... Вы еще новичок – «неженка»! Это пройдет, – прибавила она с уверенностью.

Последний лед был разбит.

– Отлично, – воскликнул Треслер. – Я знал, что мы будем друзьями, мисс Марболт! Я только боялся, что «они» – он посмотрел на свои ноги, – могут произвести на вас неблагоприятное впечатление. Откровенно говоря, из-за них я уже имел... э... маленькие неприятности.

– Да, я думаю, что мы будем друзьями, – подтвердила она спокойно, хотя в глазах ее все еще оставалась какая-то скрытая тревога.

Треслер был поражен обстановкой этого дома, заброшенного в прерии. Они прошли через обширную уютную гостиную с тремя большими окнами, выходившими на веранду, и дальше по широкому коридору в столовую, из которой открывался вид на опушку леса. Диана объяснила Треслеру, что спальня и кабинет ее отца расположены по ту сторону коридора. Ее собственная комната находилась на втором этаже, где также имелось несколько запасных комнат для гостей.

– Как видите, мы не держим женской прислуги, мистер Треслер, – сказала она, принеся из кухни кофейник и поставив его на стол. – Я сама и хозяйка, и прислуга. Мой единственный помощник – Джо Нелсон, который исполняет всю тяжелую работу по дому. Это замечательная личность!

– Да, я знаю! Я встретил его по дороге, – сухо заметил Треслер, принимаясь за кусок ветчины, который она положила ему на тарелку.

– Он настоящий англичанин, но совершенно американизировался за сорок лет, прожитые им в Техасе. Там у него была своя ферма, но он разорился и попал сюда. Я очень люблю старого Джо. Но я вовсе не о нем хотела бы с вами поговорить.

Диана присела на стул, спиной к незавешенному окну, за которым сияло яркое летнее солнце.

– Вы встретили Джека Гарнак и приобрели в нем врага, – сказала она внезапно и просто.

– Рано или поздно это должно было случиться! – Ее лицо снова приняло то выражение печали, которое заметил Треслер при их первой встрече.

– Да, я думаю, – прошептала она в ответ. Затем она вдруг поднялась со стула и спросила почти резко: – Что бы вы сделали, если бы он вас ударил? Он человек колоссальной силы!

Треслер улыбнулся.

– Это зависит от обстоятельств. Конечно, я бы попробовал ответить подобающим образом. Но у меня был выбор. Я бы мог его застрелить!

– О! – вскричала девушка с неподдельным ужасом.

– Что ж делать? – Треслер удивленно взглянул на нее и пожал плечами. – Разве я должен стоять на месте, как ягненок, и принимать удары? Нет, мы все имеем право на жизнь, если

можем ее отстоять! Эту философию достаточно вколачивали в меня еще в школе. Конечно, я бы постарался сделать все возможное...

– Это ужасно! О, мистер Треслер! – Диана снова опустилась на стул и, протянув свою маленькую смуглую ручку, коснулась ею руки Треслера. – Обещайте мне, что вы не будете дразнить Джека. Вы не знаете его и не понимаете, какой опасности вы подвергаетесь.

– Наоборот, мисс Диана! Я благодарю судьбу, что узнал его. И я готов ко всему! Джек должен идти своей дорогой, а я своей. Я приехал сюда, чтобы учиться, а не подчиняться всяким грубым выходкам с его стороны. Оставим его в покое и поговорим о чем-нибудь более приятном. Мне очень понравилось местоположение вашего ранчо.

Диана беспомощно откинулась на спинку стула и с некоторым усилием проговорила:

– Да, это прелестное место! Но вы еще не успели оценить его красоту.

Треслер молчал, и ей пришлось отогнать назойливые мысли и заставить себя поддерживать разговор.

– Мы защищены здесь почти неприступной стеной гор. Зимой этот лес охраняет нас от северо-восточного ветра. А к югу и к востоку тянется бесконечная прерия. Отец построил это ранчо восемнадцать лет тому назад, когда мне было только четыре года. Калфорд был тогда небольшим поселком, а Форкс вообще еще не существовал. У нас не было никаких соседей ближе Калфорда, если не считать индейцев и метисов. Это было суровое время! Отец и его люди должны были отбиваться. И Джек был с нами всегда, с тех пор, как я себя помню. Как видите, – прибавила она, возвращаясь к прежней теме, – я хорошо знаю Джека! Мое предостережение достаточно серьезно.

– Зачем ваш отец держит такого человека? – спросил Треслер.

Диана пожала плечами.

– Джек – лучший управляющий ранчо во всем округе!

Наступило неловкое молчание. Треслер пил кофе и раздумывал. Но ни Джек, ни сам Джулиен Марболт не интересовали его настолько, чтобы надолго отвлечь его внимание от девушки, в обществе которой он находился. Ее речь и манеры показывали, что прерия не могла быть ее родиной, и она казалась ему чужеземным растением, занесенным в это уединенное ранчо.

Внезапно его мысли были прерваны странными звуками, похожими на чей-то робкий стук в завешенную портьерами дверь или на прерывистую работу телеграфного ключа.

– Что это? – спросил он, прислушиваясь. Диана вскочила с места. В глазах ее был испуг.

– О, это отец! – сказала она вполголоса с печальной улыбкой. – Что-нибудь его потревожило. Он никогда не просыпается так рано.

Где-то в коридоре хлопнула дверь, шелкнул замок и зазвенели ключи. Затем послышались чьи-то мягкие шаги, сопровождаемые тем же странным, прерывистым стуком.

Треслер повернулся к двери и, хотя его внимание было поглощено этими звуками, он все же заметил, что Диана с какой-то неестественной поспешностью убирала все со стола.

Дверь оставалась открытой, и вскоре Треслер рассмотрел в глубине коридора высокую фигуру, завернутую в длинный серый балахон. Перед его глазами мелькнула большая голова с коротко остриженными седыми волосами. Затем она скрылась за поворотом.

Диана кивнула головой своему гостю, приглашая его следовать за нею.

– Отец, это мистер Треслер!

Они находились на веранде. Хозяин ранчо сидел в кресле, обратив в сторону гостя свое бледное массивное лицо с маленькой курчавой бородкой. Его зрачки, черные, как смоль, и неестественно-огромные, были отделены тонким синеватым кольцом от багрово-красных белков. Воспаленные веки, лишенные ресниц, и густые серые брови, нахмуренные, как будто от физической боли, еще более выделяли эти страшные мертвые глаза, невольно приковывая к ним все внимание.

– Очень рад, мистер Треслер, – сказал он тихим приличным голосом, таким неожиданным при его наружности. – Я уже знал, что вы здесь.

– Надеюсь, что я вас не потревожил? – пробормотал Треслер. – Мисс Марболт сказала мне, что вы спали...

– Вы в этом несколько не виноваты. Дело в том, что я выработал в себе странную чувствительность, нечто вроде второго зрения. – Он усмехнулся с некоторой горечью. – Я проснулся в тот самый момент, как вы подходили к дому, и слышал, как вы вошли. Итак, вы приехали ко мне учиться хозяйству. Отлично! Диана, – обратился он к дочери, – опиши мне наружность мистера Треслера. Простите, сэр, но мне всегда хочется знать, с кем я имею дело.

Диана смущенно взглянула на улыбающегося гостя.

– Ну, дочь моя, – сказал Марболт, и в его голосе послышались нетерпеливые нотки.

Это заставило ее начать.

– Мистер Треслер высокого роста, широкоплечий...

– Да-да, – пробормотал Марболт, упрямо уставясь на нее своими мертвыми глазами. –

Продолжай.

– Одет в английский костюм для верховой езды.

– Какое лицо?

– Черные волосы, серые глаза, черные ресницы и брови. Широкий лоб...

И так далее до мельчайших подробностей продолжалось это описание, прерываемое нетерпеливыми вопросами старика. Когда она кончила, воцарилось неловкое молчание. Губы слепого шевелились, как будто он что-то говорил про себя, но слов не было слышно. Наконец он очнулся и, повернув лицо в сторону гостя, заметил веселым тоном:

– Вы из Корнуолла, мистер Треслер?

– Да.

– Хорошая страна, в которой рождаются хорошие люди. Я бы хотел на вас посмотреть. Я уверен, – продолжал он с чем-то вроде улыбки, – что здесь вы сможете изучить все отрасли скотоводства. Мой управляющий не очень приятен в обращении с людьми, но, поверьте мне, знает свое дело. Вам следует с ним поладить. Это не так легко, но зато стоит труда!

Треслер не мог удержаться от улыбки. Он посмотрел на Диану, но она избегала его взгляда.

– Я думаю, что я могу завтра же приступить к делу, – сказал он, когда старик кончил.

– Нет, наш договор вступает в силу с сегодняшнего дня. Не нужно откладывать. Вы поступаете в число наших рабочих под непосредственное руководство Джека Гарнак. Дитя мое, – обратился он к дочери, – принеси мистеру Треслеру стул и позаботься о чае.

Когда Диана ушла, старик заговорил о своей далекой, давно оставленной родине, и его вопросы и меткие замечания немало удивили Треслера, в ушах которого все еще звучали проклятия по адресу Слепого Черта. Он смотрел в его невидящие глаза и, слушая мягкий, вкрадчивый голос и культурную речь, невольно переставал верить всему, что он до сих пор слышал о владельце Москито-Бенд.

За чаем его внимание сосредоточилось на отношениях между отцом и дочерью. Вскоре он пришел к заключению, что Диана не столько любила, сколько боялась своего слепого отца, с заметным усилием стараясь выказывать ему те чувства, которых не было в ее сердце. Но сам Марболт по-прежнему оставался для него загадкой. Трудно было решить, как он относился к своей дочери. Порою казалось, что он привязан к ней так, как только может быть привязан беспомощный, измученный человек к единственному близкому существу, служащему ему опорой. Но бывали моменты, когда он обращался с нею с таким нетерпением и недовольством, что казалось, будто он ее ненавидит.

Треслер почувствовал облегчение, когда чаепитие кончилось и он мог встать из-за стола и расстаться с этим человеком, которого он так и не сумел понять.

«Странное место и странные люди», – пробормотал он, спускаясь с холма.

Затем, увидев огромную фигуру управляющего, вышедшего из маленького уединенного дома у подножия холма, он направился к нему навстречу.

Он ожидал гневной вспышки или, по крайней мере, какой-нибудь недружелюбной выходки. Но ничего подобного не случилось. На этот раз Джек встретил его с любезностью, не оставлявшей желать лучшего.

– Ну что, побеседовали со стариком? – спросил он, отвернувшись и глядя куда-то в сторону прерии.

– Да, – ответил Треслер коротко и сразу перешел к делу. – Каковы будут ваши распоряжения и где вы меня поместите?

– О, я думаю, для вас найдется место в бараке. Ребята уступят вам одеяло, пока не пришел ваш багаж. Что касается моих распоряжений, то я вас поставлю на работу с завтрашнего утра. А пока устраивайтесь.

– Значит, я не нужен вам сегодня?

– Нет! – Джек собрался продолжать свой путь и вдруг снова повернулся лицом к Треслеру. – Мне нужно сказать вам пару слов для начала. Мы имеем обыкновение устраивать для каждого новичка и «неженки» одно небольшое испытание. После этого мы поступаем соответственно... вы понимаете! Словом, предупреждаю вас, что здесь не салон и не гостиная. Итак, до свидания!

Рабочие еще не вернулись к ужину, и Треслер, подойдя к бараку, застал там одного Аризону, сидевшего в дверях на свернутом одеяле и устремившего взгляд на бесконечную бурю равнину, как будто ничто другое не интересовало его в целом свете.

Взглянув мельком на Треслера и подобрав конец одеяла, чтобы дать ему место, он снова погрузился в созерцание далекой прерии. И так они долго сидели рядом, размышляя каждый о своем.

Наконец Аризона первый нарушил молчание:

– Ну? – вкладывая в это короткое слово множество вопросов.

– Джек ставит меня на работу с завтрашнего дня. Сегодня я буду спать в бараке, – ответил Треслер.

– Я знаю. Когда-нибудь я застрелю этого парня, если никто не сделает этого раньше.

Треслер взглянул на него с удивлением.

– В чем дело? Что-нибудь новое?

Вместо ответа Аризона энергично сплюнул. Затем он произнес сквозь зубы:

– Это свинья!

– Которая не делает чести своей породе, – заметил Треслер с улыбкой.

– Не делает чести! – воскликнул Аризона, вращая белками и раздувая ноздри. – Смейся! Смейся, долговязая обезьяна! Может быть, ты забудешь о смехе, когда узнаешь, что тут делается.

– Не бойся! Ничто меня не удивит после того, как я повидал Джека.

Аризона затих и задумался. Затем вдруг протянул Треслеру длинную худую руку.

– Спасибо, товарищ, – сказал он прочувствованным тоном. – Спасибо за то, что ты прочул этого скота. Мы все видели.

И его дикие глаза любовно заглянули в лицо соседа.

В этот вечер Треслер узнал много нового, особенно в области сквернословия. Он ужинал в бараке вместе с остальными рабочими, и его новые товарищи всячески изошрялись для него, вокруг него и на его счет. Прислушиваясь к их разговору, к вспышкам диких инстинктов и примитивной дружбы, он начинал думать, что все они не знали забот и жили минутой. Даже их ненависть к управляющему и хозяину ранчо, казалось, затихала с каждым ругательством, которое они отпускали по их адресу.

Когда сгустились сумерки, рабочие начали расходиться. Аризона показал Треслеру предназначенную для него койку и, заботливо расстелив на ней одеяло, сказал ему на прощанье:

– Слушай, Треслер. Я человек бывалый и могу дать тебе один совет. Если тебе будут слишком досаждают, пускай в ход револьвер. Никто в мире не посмеет тронуть тебя пальцем, если ты умеешь брать прицел. Прощай!

Но Треслер удержал его.

– Еще одно дело, Аризона. Мы с тобой почти одного роста. Не можешь ли ты уступить мне пару обыкновенных штанов, какие у вас принято носить.

Пастух слабо улыбнулся и направился к своей койке. Минуту спустя он возвращался с парю новых молескиновых штанов и бросил их на койку Треслера.

– Получай их на память за то, что ты не побоялся Джека.

– Спасибо. Но я тебе заплачу...

– Ни за что на свете, мистер! Прощай!

Глава IV

Ночные всадники

В эту ночь Треслер, несмотря на усталость, долго не мог уснуть. Слишком много мыслей шевелилось в голове, и непривычная окружающая обстановка не располагала его к покою. В бараке было душно, и два ряда коек с распростертыми на них человеческими телами, слабо освещенные двумя масляными лампами, производили впечатление тюрьмы.

Присев на край койки, он оглянулся на своих новых товарищей. Некоторые из них уже спали, другие молча курили, завернувшись в одеяла. Один держал в руке растрепанную книжку и напряженно всматривался в ее страницы.

Треслер набил трубку, зажег ее и с облегчением вышел на свежий воздух.

Было около десяти часов. Луна еще не взошла, но небо уже отливало синеватым сиянием, в котором все окружающие предметы принимали странную фантастическую форму. Воздух был наполнен слабым жужжанием насекомых. Изредка какая-нибудь из собак, охранявших ранчо, заливалась лаем, или слышался заунывный вой голодного койота, но затем все стихало, и ничто больше не нарушало спокойствия ночи.

Расхаживая взад и вперед вдоль темного барака, Треслер курил и раздумывал. И, как ни странно, его мысли неизменно возвращались к смуглому лицу Дианы Марболт, к ее грустным глазам, впервые взглянувшем на него из-под широкополой соломенной шляпы. Он чувствовал потребность узнать поближе историю этой странной девушки, разгадать и, может быть, устранить причину ее печали.

Выкурив свою трубку, он решил немного прогуляться и медленно пошел по направлению к строениям, расположенным по другую сторону лужайки.

Его внимание привлекло светящееся окно в доме управляющего. В этот час ему вовсе не хотелось встретиться с Джеком, и он поспешил пройти мимо. Но лишь только он достиг ближайшего сарая, дверь дома отворилась и на светлом фоне вырисовался маленький забавный силуэт, в котором он узнал Джо Нелсона. Вслед за ним на пороге появилась огромная фигура Джека, и Треслер явственно услышал их разговор.

– Завтра это должно быть сделано с утра, – сказал управляющий своим обычным грубым и хриплым голосом.

– Хорошо, – покорно отвечал Джо, – но ведь это седло не годится для того, кто к нему не привык.

– Не твое дело рассуждать! Слушайся, когда я говорю!

С этими словами Джек захлопнул дверь. Немного погодя маленькая фигурка Джо Нелсона вынырнула из тени на более светлую часть лужайки и заковыляла по направлению к бараку. И вдруг Треслер увидел нечто заставившее его улыбнуться. Джо Нелсон остановился и, обернувшись, погрозил кулаком в сторону дома управляющего. Затем спокойно продолжал свой путь.

Свет в окне погас, и Треслер направился дальше, к открытому навесу, под которым стояли телеги.

Пройдя несколько шагов, он снова услышал за собою стук открывающейся двери и чьи-то тяжелые шаги. Теперь он был уверен, что управляющий вышел наружу.

Укрывшись в тени навеса, Треслер подождал, когда затихнут шаги, и затем продолжал свою прогулку.

Перед ним была черная стена леса, тянувшаяся в обе стороны, сливаясь с сумраком ночи. Треслер свернул вправо и, поднявшись вдоль нее по склону холма, приблизился к большому дому настолько, что отчетливо различил его очертания. Тогда он остановился с намерением отправиться в обратный путь.

Достав спички, он только что собрался снова закурить трубку, как вдруг перед ним блеснул луч света. Это продолжалось всего одну секунду, но все же достаточно, чтобы он мог определить, что свет исходил из окна большого дома, в том месте, где, по его предположениям, находилась спальня Джулиена Марболт.

Некоторое время он ждал, чтобы свет появился снова, но дом оставался по-прежнему темным и безмолвным. Тогда Треслер опять занялся своей трубкой, но, по-видимому, ему не суждено было закурить. Лишь только он поднес спичку к коробке, его слух, болезненно обостренный в окружавшей его тишине, явственно уловил топот конских копыт в чаще леса. Топот становился громче, и наконец Треслер услышал ржанье лошадей. Невольно он отступил и укрылся в кусты, прислушиваясь и вглядываясь в полумрак. И это было как раз вовремя. Не прошло и минуты, как из темной глубины леса вынырнули два всадника и медленно двинулись прямо в его сторону.

Шагах в десяти от него они остановились и в течение нескольких минут, молчаливые и неподвижные, глядели на спящее ранчо. Треслер напрягал зрение, стараясь различить их лица, но темнота мешала ему, и только одна деталь не ускользнула от его внимания благодаря тому, что фигура одного из всадников вырисовывалась на фоне звездного неба. Лицо этого всадника было покрыто чем-то совершенно скрывавшим его профиль.

Все это произошло так быстро, так неожиданно было их появление, и так внезапно они исчезли в чаще леса, что Треслер готов был считать себя жертвой галлюцинации. Но треск валежника под копытами лошадей, медленно замиравший по мере их удаления, убедил его, что он видел живых людей.

Ему пришло в голову, что это могли быть двое пастухов, дежуривших ночью у какого-нибудь стада. Но затем он вспомнил, что все рабочие спокойно спали в бараке. Удивленный и несколько встревоженный, он вылез из кустов и побрел домой с твердым намерением лечь спать.

Однако его приключения еще не кончились. Невдалеке от барака он заметил фигуру человека, медленно двигавшуюся к нему навстречу с какой-то ношей. Минуту спустя перед ним оказался маленький Джо Нелсон с седлом на плече.

– Алло, Нелсон! – воскликнул он с удивлением. – Куда вы идете в такую пору?

Нелсон опустил седло на землю и, прежде чем ответить, внимательно, с ног до головы, осмотрел выросшую перед ним фигуру.

– Куда я иду? – повторил он задумчиво. – Я исполняю одно поручение, чтобы не забыть его утром. Джек велел мне принести в конюшню мое седло. Но вы-то почему не в постели, мистер Треслер?

– Не надо никакого «мистера», Джо, – дружески заметил Треслер. – Позвольте, я пойду с вами. Мне так не хочется возвращаться в барак.

– Идем!

Джо снова поднял седло и, перекинув его через плечо, молча пошел вперед в сопровождении Треслера.

Когда они подошли к корням, Джо положил свою ношу у подножия бревенчатой стены и повернулся к своему спутнику.

– Ну, теперь спрашивайте, – сказал он серьезно. – Я думаю, у вас кое-что вертится на языке.

Треслер рассмеялся:

– Однако как вы проникательны, Джо! – Он посмотрел вниз на седло. – Зачем это понадобилось Джеку?

Вопрос был задан им случайно. Он просто хотел выиграть время, чтобы лучше подойти к тому, что его интересовало в действительности.

Нелсон лукаво прищурился и свистнул.

– А это для одного парня, который будет скакать завтра утром. Эге!

Затем, смерив Треслера взглядом, он посмотрел на маленькое, короткое седло у своих ног и покачал головою. Но Треслер не обратил на это внимания.

– Присядем, Джо, – сказал он тихо и опустился на землю, спиной к стене конюшни. – Есть кое-что, о чем бы я хотел с вами поговорить.

Джо молча последовал его приглашению. Заложив себе в рот порцию табаку, он приготовился слушать.

– Есть ли здесь какие-нибудь соседи поблизости?

– Никаких, кроме метисов, да и те живут не ближе шести миль к югу, по ту сторону холмов.

Тогда Треслер рассказал ему о том, что он видел на опушке леса. Маленький человек слушал его с величайшим вниманием, пожевывая табак.

– Держу пари, что этот человек был в маске, – сказал он, когда Треслер кончил свой рассказ.

– Похоже на то.

– В красной маске?

– Возможно! Я не мог различить цвета. Было слишком темно.

Джо повернулся и посмотрел в лицо своему собеседнику.

– Вы ничего не слышали о конокрадах? И о Красной Маске тоже ничего не слышали? Впрочем, вы «неженка», – прибавил он с оттенком презрения в голосе.

– Дважды ошиблись, – улыбаясь, заметил Треслер. – Я слышал раньше и о конокрадах, и о Красной Маске.

– А, вы слышали раньше. Так вот, я думаю, что на этот раз вы видели и то и другое собственными глазами. И если бы вам удалось захватить его врасплох, вы сразу сделали бы самым знаменитым человеком во всей Альберте. Боже мой! Упустил такой счастливый случай! Впрочем, вы «неженка», – повторил он со вздохом.

Треслер готов был расхохотаться ему в лицо, но вовремя удержался, вспомнив о серьезности темы.

– Хорошо! Если это был Красная Маска собственной персоной, что это означает?

– Это означает, – ответил Джо сухо, – что самый большой конокрад и убийца во всей стране готовится к делу. Что-нибудь произойдет на этой же неделе.

– Кто он такой?

– Это он сам знает, а больше никто. Разное говорят. Известно только, что он угоняет ежегодно до тысячи голов скота.

– Что же нам делать теперь? – спросил Треслер.

Джо меланхолически жевал табак.

– Право, не знаю, – сказал он с грустью. – Если вы только заикнетесь, что вы были здесь ночью, Джек придет в бешенство. Видите ли, Джек влюблен в мисс Диану. И он страшно ревнив. Он даже ревнует ее ко мне, хотя, уж кажется, я не гожусь в женихи. А она его терпеть не может. Я это знаю, потому что мы с нею друзья. Тут, так сказать, ничего особенного нет. Но не в этом дело. Джек свернет вам голову, если вы ему скажете, где вы были.

– К черту Джека! – воскликнул Треслер, теряя терпение. – Мне надоели ваши застрашиванья. К тому же я просто гулял без всякой цели. Что он может сказать?

– Это его не удовлетворит. Нет, – заметил Джо и погрузился в размышления.

Наконец он сплюнул свою жвачку и торжественно произнес:

– Нашел.

– Что вы нашли, дружище? – спросил Треслер.

– А вот что. Мы не будем ничего говорить Джеку. Завтра я соберу ребят и сочиню для них целую историю. Я скажу им, что меня предупредил один метис, что Красная Маска опять

появился в нашем округе. Для вас это будет лучше всего. Вы и так уже достаточно раздражили Джека. Берегитесь его!

Глава V

Треслер начинает учиться

На следующее утро, когда Треслер пришел к коралям, трое рабочих, под начальством самого Джека, ловили большую коричневую кобылу. В коралях было около шестидесяти лошадей, но она выделялась между ними своим ростом и диким видом. Худая и поджарая, с длинной шеей и узкой головой, она напоминала гигантскую осу, и ее бока были испещрены следами, оставленными ее укротителями. Треслер имел достаточно дела с лошадьми, чтобы оценить по достоинству ее прекрасное сложение так же, как и ее злобные, блуждающие глаза, которые сверкали белками при каждом повороте.

Один из рабочих, Джекоб Смит, держал наготове веревку. Остальные с напряженным вниманием следили за его проворными движениями, когда он пустился преследовать кобылу, бегавшую вокруг коралей в поисках выхода.

Внезапно он сделал прыжок и очутился перед нею. Она сразу повернула, но двое других рабочих преградили ей отступление. На секунду она остановилась в нерешимости, затем, опустив голову и прижав уши, бросилась с открытой пастью на Джекоба. Но тот, поняв ее намерение, быстро отскочил в сторону. Ее задние копыта взметнулись на воздух, но в тот же самый момент просвистело лассо, и она упала на землю с опутанными ногами, беспомощная и хрипящая. Трое рабочих бросились к ней, чтобы довершить ее поражение.

И тогда послышался грубый голос управляющего.

– Это ваша лошадь, Треслер. Я думаю, она вполне пригодна для увеселительной поездки. Вы должны ее обработать. Правда, она немного дика, но все-таки она уже ходила под седлом. Впрочем, – прибавил он спокойным, презрительным тоном, – все англичане считают, что умеют ездить верхом, пока не попадут в наши края.

Треслер покраснел. Он понял приготовленную ему ловушку. Затем, вспомнив предостережение Нелсона, он взглянул на седло, все еще висевшее на стене коралей. Было бы верным самоубийством попытаться обуздать эту дикарку в таком седле, пригодном едва лишь для пятнадцатилетнего мальчика.

– Я думаю, что это самая необузданная тварь во всем ранчо, – ответил он спокойно, хотя его голубые глаза угрожающе засверкали. – В противном случае вы бы не предложили ее мне, подчеркнув при этом, что она уже была под седлом.

– Струсил? – спросил Джек с усмешкой.

– Нет. Я только подумал, что мое седло для нее не годится. Она порвет всю подпругу.

– Не беспокойтесь. Вот для вас седло. Оно висит здесь, на заборе.

– Благодарю вас, – иронически заметил Треслер. – Я должен иметь седло, подходящее для человека моего сложения, или скачите на этой кобыле сами.

Он посмотрел в упор на Джека, и его слова были сказаны таким тоном, к которому тот не привык. Тем не менее Джек ничем не обнаружил своего возмущения.

– Ребята, – обратился он к группе рабочих, – наш «неженка» боится обрезать свой зад об эту кобылу. Пусть кто-нибудь одолжит ему седло. А не то придется дать ему какую-нибудь старую клячу.

На этот раз Треслер попался.

– Это меня несколько не задевает, товарищи, – сказал он с насильственным смехом. – Если кто-нибудь одолжит мне настоящее седло, я ее обуздаю... или сломаю себе шею.

Треслер был самым заурядным наездником. Еще никогда в жизни он не имел дела с подобной лошастью, но теперь он готов был оседлать самого черта. К тому же, даже в своей крайней ярости, он понимал, что такое испытание все равно ожидало его рано или поздно. Объявка диких лошадей входила в программу его учения.

Кто-то из окружающих предложил ему воспользоваться седлом Аризоны, который все еще считался больным, и Треслер с радостью ухватился за это предложение.

Двое рабочих вывели кобылу из коралля на открытое место. Они держали ее при помощи лассо, туго стянутых вокруг ее шеи, в то время как Джекоб с большим искусством прилаживал седло Аризоны и подтягивал подпругу и стремяна. Теперь она стояла неподвижно, и только глаза ее выказывали нарастающую ярость.

Треслер был совершенно спокоен. Его товарищи бросали на него искоса сочувственные взгляды. Они хорошо знали эту лошадь. Наконец Джекоб кивнул ему головой.

– Все готово, – сказал он и прибавил тихо, чувствуя потребность исполнить товарищеский долг: – Не советую вам ехать на ней. Хуже ее нет во всем ранчо.

Но Треслер только улыбнулся и, подойдя ближе, погладил громадное животное. Она следила за ним вытаращенными глазами, не предвещавшими ничего хорошего. Затем он взял от Джекоба длинную плетть из сыромятного ремня и вскочил в седло. Кобыла, сдерживаемая двумя веревками, стояла как вкопанная, и только ее крупные бока вздымались, выдавая ее волнение.

Треслер подобрал поводья. По его знаку двое рабочих, державших лошадь, отскочили в сторону, и Джекоб быстрым движением скинул лассо с ее головы. И тогда началась борьба не на жизнь, а на смерть.

Голова кобылы опустилась книзу, и она подскочила на воздух, изогнув спину, так что ее передние и задние ноги сошлись копытами. Треслер подпрыгнул на целый фут над ее спиной, откинулся вперед, потом назад и, наконец, тяжело упал обратно в седло. Его рука коснулась свернутого холщового ремня позади седла, и он инстинктивно вцепился в него что было силы.

Кобыла снова подскочила и с легкостью перевернулась в воздухе, так что ее голова очутилась там, где только что был хвост. Это был удивительный кошачий прыжок, рассчитанный на то, чтобы сбить самого лучшего наездника. На этот раз Треслер едва не выпал из седла, но холщовый ремень спас его, и он опять опустился на место. Ее прыжки следовали один за другим, как выстрелы из скорострельного орудия. Треслер был оглушен, голова его кружилась, и кровь стучала в ушах. С отчаянной решимостью он держался за спасительный ремень и только благодаря этому оставался в седле. Но он знал, что такая пляска не могла долго продолжаться.

Вслед за этим кобыла проделала новый фокус. Можно было подумать, что с нею произошло какое-нибудь несчастье. Ее ноги взметнулись в разные стороны, как будто это были четыре крыла диковинной птицы, и она шлепнулась на землю. Ее намерения были ясны. Но Треслер сразу вылетел из седла, и когда она стала кататься по земле, он уже стоял на ногах.

Заметив, что он ускользнул, она тотчас вскочила на ноги и бросилась на него с открытой пастью. Но в тот же момент просвистело лассо, брошенное искусной рукой Джекоба, и туго стянулось вокруг ее шеи. Треслер, тяжело дышащий и оглушенный падением, снова вскочил в седло прежде, чем Джекоб понял его намерение. Из рта кобылы выступила пена, и струйки пота сбегали по ее бокам. Белки ее глаз налились кровью, и, когда ее снова освободили, она попыталась укусить наездника за ногу. Потерпев неудачу, она с силой подбросила голову вверх, и, не приготовленный к этому приему, Треслер получил удар прямо в рот. Затем она поднялась на дыбы, отчаянно махая передними ногами по воздуху, и в следующий момент рухнула спиной на землю. И опять Треслер спасся точно чудом. Выброшенный из седла, он отскочил в сторону.

На этот раз кобыла была поймана прежде, чем успела подняться на ноги. Но она все еще не сдавалась.

И снова Треслер вскочил в седло. Он чувствовал себя разбитым и дрожал, как в лихорадке. Между тем кобыла предприняла новый маневр. Все ее тело стало корчиться, проделывая какие-то странные змеевидные движения. Покончив с этим, она вдруг принялась мотать голову взад и вперед, низко опустив ее между передними ногами, отчего наездник начал

скользить вместе с седлом к ее за гривку. Внезапно холщовый ремень затрещал и лопнул, и Треслер, как ракета, полетел через голову лошади.

Седло было снова закреплено на место, но теперь Треслеру не за что было держаться. Пять раз он падал, и каждый раз, задыхающийся и весь исцарапанный, он снова садился верхом на эту четвероногую ведьму. Однако он уже выбился из сил, и только окружающие заметили то, что ускользало от его внимания. Кобыла была побеждена. Когда он поднялся в пятый раз, ее маневры не могли бы сбросить ребенка.

– Бей ее, товарищ! Выбей из нее дурь! – загремел Джекоб.

– Хлещи ее! Гони ее, пока она не сохнет! – слышались другие голоса.

Треслер машинально повиновался. Собрав последние силы, он стал стегать плетью по взмыленным бокам лошади, и она, обезумев от боли, поднялась на дыбы, сделала могучий прыжок вперед и вихрем понеслась вниз по дороге.

Наступило уже время обеда, когда Треслер снова увидел ранчо. Кобыла, окончательно побежденная и послушная, едва переступала с ноги на ногу. Между тем ее наездник успел уже оправиться от пережитых потрясений и чувствовал себя сравнительно сносно.

После обеда началось настоящее учение. Один из рабочих, Лью Каули, был послан на отдаленное пастбище вместе с Треслером для исправления проволочной изгороди, прорванной бродячим стадом. Лью оставался с ним ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы научить его натягивать и закреплять колючую проволоку. Затем он уехал на другую работу, и Треслер остался один.

Пастбище, на котором он теперь находился, значительно отличалось от остальной прерии, выжженной солнцем и заросшей сорной травой. Оно было хорошо орошено, перепахано и засеяно тимофеевкой и клевером. Трава доходила почти до колен лошади, которая пиновала вволю, пощипывая ароматные стебли, пока ее хозяин медленно объезжал поле.

Около четырех часов пополудни работа была окончена, и последний ряд проволоки натянут и закреплен на место. Треслер, за неимением дерева, в тени которого он мог бы отдохнуть, присел на траву у столба и закурил. Его лошадь, освобожденная от узды и подпруг, весело паслась рядом с ним.

Величавое спокойствие прерии захватило его; глубокая тишина убаюкала его утомленные нервы, трубка погасла, и он заснул.

Когда он проснулся, в первый момент он не мог сообразить, где он находится. Трубка выпала у него изо рта, и сам он оказался лежащим враспяжку на земле. Вслед за тем чей-то смеющийся голос достиг его слуха.

– Так-то вы учитесь сельскому хозяйству, мистер Треслер! Стыдитесь! Спать в самое лучшее время дня!

Это был голос Дианы Марболт. Она поглядывала на него сверху, сидя на своей крепкой степной лошадке Бесси, и в этот момент в ее глазах не было обычного печального выражения.

Треслер приподнялся на локте и, в свою очередь, смотрел на нее с нескрываемым восхищением. Здесь, вдалеке от ранчо, она казалась ему совсем другой. Перед ним было настоящее дитя прерии, улыбавшееся солнцу и зеленому простору.

Очнувшись от своего оцепенения, он вскочил на ноги и проговорил, краснея:

– Пойман с поличным, мисс Марболт. Но, поверьте мне, я уже получил хороший урок за сегодняшний день. Об этом говорят мои царапины. Что же касается проволочной изгороди, то в этой области я нашел многое заслуживающим всестороннего изучения.

Он протянул ей свои израненные руки, и улыбка сразу исчезла с ее лица.

– О, вы не ленились! Я в этом не сомневаюсь, – сказала она поспешно. – Я видела вас на этой кобыле и думала, что вы убьетесь. Вы знаете, ведь ее старались укротить в течение двух лет подряд, и совершенно безрезультатно. Что произошло после того, как она вас понесла?

– Ничего особенного. Я проехался на ней до Форкса и обратно дважды.

– Сорок миль! Боже мой, что же от нее осталось?

Треслер усмехнулся.

– Джек уверяет, что я испортил ее окончательно, но я этого не думаю. У моей Леди Изабеллы сердце из камня, и нужен паровой молот, чтобы его разбить. Завтра же она снова примется за свои штуки.

– Так вы прозвали ее Леди Изабелла? – спросила она.

– Да! Это имя для нее подходит.

Диана молча кивнула головой. Она была свидетельницей борьбы между «неженкой» и кобылой и теперь, когда все уже миновало, искренне радовалась его победе. Как настоящая дитя прерии, она была чужда сентиментальности и знала, что объездка диких степных лошадей часто сопряжена с жестокостью. Ей нравились упорство и смелость этого человека. Их встреча не была случайной. Она намеренно выехала из дому, чтобы увидеться с ним, и Треслер каким-то образом прочитал это в ее глазах.

Некоторое время оба не находили слов. Молчание становилось неловким. Даже темногривая Бесси, которую ее хозяйка небрежно похлопывала рукояткою плети, вдруг словно поняла эту неловкость и постаралась рассеять ее несколькими пируэтами. Когда она была успокоена, Диана слегка наклонилась вперед и взглянула прямо в лицо Треслеру.

– Я приехала сюда нарочно, чтобы поговорить с вами, – сказала она с обычной своей прямою. – Я хочу раз и навсегда объяснить вам положение. То, что пришлось вам испытать сегодня утром, явилось результатом столкновения с Джеком. Но это только начало!

Треслер улыбнулся.

– Не беспокойтесь за меня, мисс Диана. Я не думаю, чтобы что-нибудь случилось. Правда, с Джеком нелегко иметь дело. Он отвратительно груб...

– Хуже, много хуже! Вы его недооцениваете.

Лицо девушки потемнело. Ее губы сжались, и злобный огонек загорелся в глазах.

– Вы не осознаете опасности, потому что вы смелый человек. Но я достаточно знаю Джека и знаю, что он не оставит вас в покое. Впрочем... – прибавила она поспешно, – не думайте, что я такая хорошая. Я – большая эгоистка! Я боюсь не только за вас. Представьте себе, какие могут быть неприятности из-за вашего конфликта с ним для моего отца, для меня... для всех!

Треслер не мог устоять против ее ласкового, доверчивого взгляда, в котором он читал страх, просьбу и еще что-то, чего он пока не мог понять.

– Мисс Марболт, – сказал он, протягивая ей руку, – обещаю вам, что я приложу все старания, чтобы сохранить мир с Джеком. А теперь, в благодарность за ваше предупреждение, позвольте и мне вас предупредить.

С минуту он помолчал, выжидая, но она не отвечала и рассеянно всматривалась в волнистую зеленую даль.

– Ваше ранчо посещают странные люди, мисс Марболт. Они появляются ночью, поворовски, из чащи леса. Их лица закрыты масками, по крайней мере лицо одного из них...

Он не мог докончить фразы. Эффект его слов был изумительный. Диана быстро повернулась к нему, глядя на него испуганными глазами.

– Вы видели их? – вскричала она.

– Их? Кого?

– Этих... этих людей.

– Да.

– Как они выглядели?

Треслер рассказал ей историю своей ночной прогулки.

– Что же вы думаете делать? – спросила она, когда он кончил.

На этот раз она не выказала никакого удивления. Казалось, что все это было ей давно известно и ее только интересовало, что он намерен предпринять.

– Право, не знаю, – ответил он. – Я хотел сказать об этом Джеку, но Леди Изабелла лишила меня памяти.

– Джеку? – повторила Диана. – Только не ему!

– Отчего?

Она хотела что-то ответить, но вдруг остановилась, словно испугавшись своей откровенности. И когда она снова заговорила, ее голос звучал глухо и умоляюще.

– Не спрашивайте меня, мистер Треслер. Не заставляйте меня сказать то, чего я не имею права говорить. Поверьте мне, я сама не знаю, чему верить. Я не знаю, что думать. Я только предупреждаю вас: не говорите Джеку. О, мистер Треслер! Я знаю, что могу на вас положиться.

Ее призыв возымел свое действие. Треслер подскочил к ней и схватил протянутые ему маленькие руки.

– Да, вы можете на меня положиться, мисс Марболт, – сказал он порывисто. – Признаюсь, ваши слова возбудили во мне подозрение, но вы... – Он замолчал, задумчиво поглядывая на ее руки, которые он все еще продолжал сжимать в своих руках. Затем, сразу очнувшись, выпустил их и рассмеялся. – Простите меня, – проговорил он, заглядывая в темные глаза девушки. – Я забылся. Поедем назад, на ранчо. Уже время. Клянусь богом, я начинаю думать, что я обязан Джеку очень многим.

– Вы не обязаны ему ровно ничем, – ответила Диана с оттенком раздражения в голосе.

Треслер вскочил в седло, и обе лошади поскакали по направлению к ранчо.

Глава VI

Убийство Менсона Орра

На ранчо Москито-Бенд господствовала тишина. Все его население было на работе. Джек не оставил без дела даже Аризону, заставив его обслуживать лошадей, стоявших в конюшне. Что касается Треслера, то он по-прежнему продолжал изучать хитроумное устройство проводных изгородей.

В это утро ничто не указывало на близость каких-либо событий. Солнце с неслыханной жестокостью обрушивалось на иссохшую землю, жгло высокую траву и вздымало пыль на дорогах. Даже насекомые как-то особенно жалобно распевали свою монотонную песню под аккомпанемент чуть слышного журчания далекой речки.

Внезапно тишина была нарушена топотом копыт. Вслед за тем из-за поворота дороги появился всадник, низко пригнувшийся над головой лошади и подгонявший ее хлыстом и шпорами. Доехав до веранды хозяйского дома, он соскочил на землю и принялся барабанить в закрытую дверь.

– Арчи Орр! – пробормотал Джек, выходя из своей хижины, и стал быстрыми шагами подниматься вверх по склону холма. – Эй ты, молокосос! – загремел он, подходя к веранде. – Какого черта ты расшумелся? Ты не у себя дома!

Арчи повернулся к нему при первом окрике. Его бледное юношеское лицо выражало испуг и отчаяние. Он не был трусом, но при виде чудовищной фигуры Джека, выросшей перед ним, почувствовал себя маленьким и беспомощным.

– Я приехал за помощью, – ответил он с неестественным спокойствием, потом, вдруг потеряв самообладание, разразился потоком слов: – Это Красная Маска! Это он и его шайка! Они убили моего отца. Они сожгли наш дом и угнали наш скот. Проклятие! Но я до него доберусь. Я его поймаю во что бы то ни стало. – Его голубые глаза сверкали, и лицо исказилось. – Вы слышите! – закричал он в припадке истерического возбуждения. – Кровь за кровь! Помогите мне! Дайте мне лошадей, и я поймаю его. Я...

– Прекратишь ли ты этот шум, – прорычал Джек, угрожающе подвигаясь к нему, – или я тебя уберу отсюда!

Арчи мгновенно отскочил назад и умолк. Этот быстрый эффект пришелся по вкусу управляющему, и он продолжал с насмешливой гримасой:

– Ты хочешь крови Красной Маски! Ты, который не нашел ничего лучшего, как бежать к соседям за помощью.

Юноша вспыхнул и готов был резко ответить, несмотря на весь свой страх перед Джеком. Но в этот момент дверь открылась, и послышался мелодичный голос:

– И хорошо сделали, Арчи!

С этими словами Диана вышла на веранду.

– Вы хотите видеть моего отца? – спросила она, ласково заглядывая в лицо юноши.

– Да, мисс Диана! Мне нужно занять у него несколько лошадей и вообще посоветоваться с ним.

Весь пыл его прошел в присутствии девушки. Теперь он стоял перед нею, склонив голову, с подавленным видом. Казалось, что он внезапно состарился.

– Сейчас я его разбужу, – спокойно сказала она, повернувшись к двери. – Я слышала, что вы говорили, и я все ему передам. Подождите здесь.

Уходя, она скользнула презрительным взглядом по мрачному лицу управляющего. Когда дверь снова закрылась, Джек разразился смехом.

– Посмотрим, – сказал он. – Марболта не так легко поймать на эту удочку. Ты еще пожалеешь, что поднял его с постели.

Арчи ничего не ответил. За дверью послышалось характерное постукивание палки в руке слепого. Вслед за тем хозяин ранчо появился на веранде в сопровождении дочери.

Некоторое время его голова покачивалась в разные стороны, как будто он нюхал воздух. Затем с каким-то сверхчеловеческим инстинктом он повернулся к Арчи.

– Эге! Значит, твой отец убит! – проговорил он, нисколько не смягчая тона. – Убит!

Арчи с трудом подавил в себе волнение.

– Да, сэр. Его застрелили в мое отсутствие. Я был в Форксе всю ночь и узнал об этом только сегодня утром.

Красные глаза Марболта уставились на него, и Арчи умолк, подавленный близостью этого человека.

– Продолжай, мой мальчик.

Теперь слепой говорил своим обычным тихим и приятным голосом. Но юноша все еще не мог найти слов.

– Арчи просит помочь ему, – сказала Диана, чувствуя необходимость вмешаться.

– Да, сэр, – подхватил Арчи. – Только маленькую помощь. Наше ранчо сожжено дотла. Моя мать и сестра остались без крова. У нас угнали весь скот. Вот что я застал дома, когда вернулся. О, это ужасно. Ночью они проснулись от лая собак. Отец взял ружье и вышел из дому, думая, что это волки. Но когда он подошел к забору, мать, которая смотрела из окна, увидела несколько вспышек и услышала выстрелы. Отец упал на месте. А затем вся банда ворвалась к нам. Одни угоняли скот, другие жгли строения. Это был Красная Маска! Мать его видела. Он сам приказал ей выйти из дома, перед тем как его сожгли. Мистер Марболт, – продолжал он, все более и более волнуясь, – помогите мне. Дайте мне лошадей, и я поймаю его. Я отомщу ему, даже если бы это стоило мне жизни. Это и в ваших интересах. Ведь он недавно еще ограбил вас. Ваше имущество тоже подвергается опасности. Соединимся вместе, чтобы расплатиться с ним за все его злодеяния. О, я это сделаю...

– А пока твоя мать и сестра будут умирать с голоду, – прервал его старик сухим тоном. И, убедившись в мгновенном действии своих слов, продолжал спокойно и деловито: – Нет-нет, мой мальчик. Возвращайся домой и позаботься о них, прежде чем думать о мести. Когда ты создашь для них сносные условия существования, то можешь пуститься в какие угодно авантюры. Я уже стар, Арчи, и мой совет чего-нибудь стоит. Возвращайся немедленно к своей семье. Ты не получишь лошадей для этой глупой затеи.

Диана внимательно следила за отцом. Когда он кончил, она подошла к взволнованному юноше и положила руку на его плечо.

– Отец прав, Арчи, – сказала она ласково. – Возвращайся к этим несчастным одиноким женщинам. Они нуждаются в ваших заботах. Это ваш долг, Арчи.

Арчи опустил голову и задумался. Он не отличался твердостью характера, и его вспышка быстро прошла под влиянием ласкового взгляда и прикосновения дружеской руки. Он прошептал:

– Благодарю вас, мисс Диана! Вы мне указали мое место! Да, я поеду к ним. Но если когда-либо...

– И хорошо сделаешь, – прервал его Джек грубым смехом. – Твой отец заплатил свое, а ты будь умнее и не зазнавайся.

Глаза юноши угрожающе сверкнули, но Диана тотчас отвлекла его внимание в другую сторону.

– Арчи, – сказала она с улыбкой, – вы забыли о вашей лошади. Как она устала, бедняжка!

Арчи понял намек. Он протянул ей руку, и девушка подала ему свою. Затем, не говоря ни слова, он сбежал с веранды и направился к своей лошади.

Когда звук его шагов замер в отдалении, слепой повернулся и пошел к двери, постукивая палочкой. На пороге он остановился, и его мертвые глаза уставились на управляющего.

– Два дня подряд меня беспокоят, – проворчал он. – Вы плохо исполняете свои обязанности, Джек Гарнак!

– Отец!

Диана бросилась к нему в тревоге, но он резко остановил ее:

– А что тебя касается, мисс, помни свое место в доме! Какое тебе дело до этого глупого мальчишки? Пусть он идет своей дорогой. Может быть, теперь он сделается настоящим мужчиной, хотя я в этом сомневаюсь.

С этими словами он удалился.

Джек остался на веранде и, облокотившись на перила, смотрел вниз, на лужайку, где Арчи Орт, сидя на лошади, снова рассказывал свою историю группе рабочих, собравшихся вокруг него.

Диана подошла к управляющему, но он даже не взглянул на нее.

– Джек, – сказала она тихо, – мне нужна Бесси сейчас же. Пусть ее оседлают и поставят у кухонной двери.

– Зачем она вам понадобилась? – спросил он, не меняя положения.

– Я хочу поехать повидать этих бедных женщин.

– Это невозможно!

Джек повернулся и встретил ее взгляд.

– Я думаю, что это вполне возможно, – ответила она спокойно. – Идите и сделайте то, о чем я вас прошу.

Глаза великана гневно сверкнули. Казалось, что он готов был к резкому отпору. Но почему-то этого не случилось. Выражение его лица постепенно менялось, пока он смотрел на нее, его взгляд смягчился, и в нем появилось нечто новое, столь же ему несвойственное, как свет любви глазам тигра. Наконец он потупился и пробормотал:

– Хорошо! Через пять минут лошадь будет готова.

Тем временем Арчи Орт уехал. Рабочие ушли в барак, оживленно обсуждая его дело. По обыкновению, больше всех ораторствовал Аризона. На его изможденном лице горел румянец, и чувствовалось, что он вкладывал в свою речь весь энтузиазм, на какой был способен.

– Говорю вам, ничего другого не остается. Пойдем все к Слепому Черту и попросим его отправить нас в погоню за этими негодяями. У меня есть от них хорошее средство, и мне хочется еще раз его испытать. Помнишь, Джо Нелсон, как мы повесили шестерых таких молодчиков на одном дереве. Мы сразу тогда очистили от них наш округ. А этот уже давно гуляет безнаказанно. Ну, я иду к хозяину. Кто со мной?

Он вскочил с места, и остальные теснее сплотились вокруг него.

– Аризона прав, – послышались голоса. – Бедный Арчи Орт! Каково ему с двумя женщинами! У них не осталось ни одного цента. Ни кола ни двора.

– А кроме того, – вмешался Джо Нелсон, который до тех пор молчал, – все их имение заложено и перезаложено у Слепого Черта. Нет, Арчи не должен был ждать помощи от хозяина. И если вы хотите просить разрешения линчевать Красную Маску, так уж лучше не заикаться о старом Орте и его семье. Поняли?

Наступило непродолжительное молчание, пока остальные старались уяснить себе, на что он намекал. Затем заговорил Треслер:

– Вот что, ребята, вы толкуете о суде Линча, а сами еще не знаете, как поймать Красную Маску. Неужели вы думаете, что Марболт освободит всех нас для этого дела? А разве два-три человека могут справиться с целой шайкой? Помните, что это не простой конокрад. Я думаю, лучше выждать, пока он сам не попадется к нам в лапы.

– Надо выждать, – подтвердил Джо Нелеон, тряхнув седой головой над кружкой с чаем. – Может быть, вы слышали, что полиция уже прибыла в Форкс и, кажется, устраивает там постоянный пост.

– Это правда? – переспросил Треслер.

– Да.

– Черт возьми! Тогда дело разрешается просто. Ребята, не надо спешить. Красные куртки как раз подходят для Красной Маски.

Однако Аризона, поддержанный большинством собрания, не желал об этом слышать. Это были люди старого закала, которые признавали лишь старое и единодушно отвергали всякие мирные способы. Им нужен был суд Линча, и ничто не могло их убедить в противном. После ожесточенного спора, во время которого Джо Нелсон и Треслер тщетно зывали к благоразумию и выдержке, мнение Аризоны окончательно победило. Котелки с чаем были отставлены на пол, и вся масса рабочих, как один человек, двинулась вслед за своим вожаком. Треслер сознавал, что было бы бесполезно – и даже опасно – держаться в стороне. Джо Нелсон также, вопреки своему убеждению, присоединился к остальным и пошел по направлению к веранде большого дома.

Джек Гарнак вовремя заметил эту процессию и успел принять меры. Подойдя к веранде, они увидели высокую фигуру слепого в длинном сером балахоне. Весь его облик внушал уважение и страх. Даже неистовый Аризона остановился в нерешимости.

– Ну, что же? – спросил Марболт и, не получив ответа, повторил свой вопрос.

Тогда Аризона выступил вперед.

– Вот в чем дело, хозяин, – начал он, – эти разбойники, как я думаю...

Но слепой не дал ему договорить. Мохнатые брови нахмурились над безжизненными глазами, которые уставились на пастуха с такой точностью, что, казалось, будто они видели.

– А! Значит, вы послушались молодого Орра, – сказал он спокойно. – Вы хотите организовать погоню за ними. – Он покачал головой. Затем его брови разошлись, и на лице его появилось нечто вроде улыбки. – Нет, друзья мои, это совершенно бесполезно. Я не могу отпустить людей. Если я пошлю достаточную партию, чтобы выдержать борьбу с их шайкой, мое ранчо останется без защиты.

– Но еще в прошлом году вы сами были ограблены, сэр, – возразил Аризона.

– Да, да! – В голосе старика послышались нетерпеливые нотки. – И я предпочитаю еще раз потерять несколько быков, чем подвергнуть все ранчо опасности быть сожженным дотла этими негодьями. Я не хочу брать на себя обязанностей полиции ради кого бы то ни было. Конечно, я вас не удерживаю, не могу удерживать. Но предупреждаю, – тут он сделал паузу, и следующие его слова прозвучали угрожающе: – Каждый из вас, кто оставит ранчо, чтобы ввязаться в эту нелепую затею, оставит его навсегда. Вот все, что я имею сказать.

Аризона был готов резко ответить, но Треслер, стоявший за его спиной, схватил его за руку. Как ни странно, это вмешательство подействовало на американца, и он больше не пытался возражать.

Рабочие потоптались на месте и начали расходиться. Никто из них не проронил ни слова, пока они не отошли на почтительное расстояние от дома, и только их мрачные лица и тяжелая походка выдавали их чувства.

Весь остаток дня в рабочем бараке и около него продолжалось обсуждение этого дела. Но даже в речах Аризоны не было прежней уверенности и силы. Весь их энтузиазм выдохся, и осталась только бессильная ненависть к хозяину и его управляющему, которые и на этот раз одержали легкую победу.

Когда стало смеркаться, Треслер, единственный, не принимавший участия в разговоре, расстался со своими товарищами и пошел мимо нижних коралей по направлению к реке. Там, присев на ствол упавшей сосны, он продолжал обдумывать план, который еще смутно вырисовывался в его голове. Этот план возник в связи с сообщением, сделанным Джо Нелсоном, об устройстве полицейского поста в поселке Форкс. Почему бы ему не отправиться туда и не сообщить о своих наблюдениях. И если Джек в действительности...

Но его мысли были прерваны стуком колес, за которым последовал плеск воды под ногами лошади, переходившей брод. Он повернулся в ту сторону, откуда доносились эти звуки, и вскоре увидел Бесси, запряженную в одноколку и поднимающуюся вверх по склону гористого берега. Это Диана возвращалась из своего путешествия.

Треслер вскочил на ноги и снял шляпу. От его взгляда не ускользнул легкий румянец, появившийся на щеках девушки, когда она его увидела. Диана придержала лошадь, но в следующий момент одумалась и погнала ее вперед с ненужной поспешностью.

– Не меняйте доброго намерения, мисс Марболт! – крикнул Треслер, которому вовсе не хотелось, чтобы она проехала мимо.

Ее румянец разгорелся еще ярче, однако на этот раз она остановила лошадь и повернулась к нему, стараясь улыбнуться.

– Нет ничего лучше неожиданной радости, – продолжал Треслер. – Надеюсь, вы не захотите оставить меня наедине с моими мрачными мыслями.

Диана опустила вожжи к себе на колени.

– У вас мрачные мысли? – сказала она, встречая его восторженный взгляд. – Я не удивлюсь этому после того, что случилось! Я только что заезжала по пути в Москиито-Рич. Все ранчо стерто с лица земли. О, мистер Треслер, что нам делать? Мы не должны молчать, и тем не менее мы ничего не знаем. У нас нет никаких доказательств, кто это сделал.

– А что случилось с миссис Опп и ее дочерью? – спросил Треслер, игнорируя ее вопрос.

– Они уехали в Форкс.

– Как же они будут жить? У них нет ни денег, ни крова!

Диана пожала плечами.

– Я позаботилась об этом.

– Это так похоже на вас, мисс Марболт, – сказал он просто. – Вы ездили туда специально для того, чтобы им помочь. – Заметив недовольную гримаску на лице девушки, он сразу перешел к другой теме. – Кое-что мы все-таки можем сделать. Полицейский отряд уже в Форксе.

– Я знаю. И отец знает. Он хочет послать письмо сержанту Файлс, начальнику отряда, и пригласить его к себе. Файлс – это здешняя знаменитость. Впрочем, отец сомневается, чтобы полиции удалось поймать этих людей. Он говорит, что это не простая шайка бандитов, а, по-видимому, очень умные люди и хорошо организованные. Полиция ему нужна только для охраны его собственности.

– Пожалуй, он прав. Но у меня есть тоже маленькая идея. Простите меня, мисс Марболт, за мою настойчивость, но я должен вернуться к разговору о Джеке. Вы его не любите. Более того, я заметил, что вы его боитесь.

Диана ответила не сразу. Этот человек обезоруживал ее своей прямоотой, граничившей с грубостью. Приходилось или говорить с ним начистоту, или вовсе отказываться от разговора.

– Мне кажется, что я его боюсь, – ответила она наконец со вздохом. Затем вдруг лицо ее вспыхнуло. – Я боюсь его, как всякая девушка боится того, кто, несмотря на ее ненависть, продолжает оказывать ей внимание. Я боюсь его потому, что он надеется когда-нибудь завладеть этим ранчо, всей нашей землей и стадами. Отец погибнет. Как это случится, я не знаю. И тогда я... я буду рабыней Джека. Вот почему я его боюсь, если уж вы так хотите знать.

– Благодарю вас, мисс Марболт. – Дружеский тон, которым были произнесены эти слова, сразу успокоил ее. – Еще один вопрос. Этот Джо Нелсон, кажется, очень близок к вам? Насколько ему можно доверять?

– Вполне, мистер Треслер, хоть на всю жизнь! – воскликнула она с энтузиазмом. – Бедный Джо никому не делает худого, только самому себе. Мне стыдно признаться, но когда я чувствую себя очень одинокой, я всегда прибегаю к его помощи. Он такой добрый. Я очень, очень люблю старого Джо!

Треслер отошел от экипажа и посмотрел вдоль дороги, ведущей к ранчо. Его чуткий слух уловил вдалеке чьи-то шаги. Затем он снова повернулся к Диане:

– Ладно! Джо мне поможет, как он помогал вам. – Он улыбнулся и снова подошел к девушке. – Мисс Диана, – сказал он тихо, и она опустила глаза под его взглядом, – вы не будете рабыней Джека, пока я жив!

В этот момент из-за поворота дороги появилась высокая темная фигура.

Незнакомец быстрыми крадущимися шагами подошел к экипажу. Его темно-коричневое лицо со слегка выдающимися скулами, тонкий орлиный нос, красиво очерченные брови над большими черными глазами и своеобразная кошачья грация придавали всему его облику изящество и привлекательность.

Не обращая никакого внимания на Треслера, он сразу заговорил с девушкой:

– Хозяин злится: «Иди, Энтони, и приведи ее назад». Он, хозяин, совсем бешеный. Он говорит: «Лучше бы она не родилась». – Метис нагло улыбнулся, показав два ряда сверкающих зубов. – И я пошел. Я видел, как этот экипаж спускался к реке. Я смотрел оттуда. – Он указал в сторону леса. – Я видел, что ты разговаривала с англичанином, и ждал. Вот что я делал.

Глаза Дианы сверкнули, и два пятна выступили на ее щеках. Повернувшись к Треслеру, она протянула ему руку.

– Спокойной ночи, мистер Треслер, – сказала она резко и погнала свою лошадь вперед.

Энтони поглядел ей вслед и слегка пожал плечами.

– Черт возьми! – пробормотал он себе под нос. – Она тоже сумасшедшая. Все они сумасшедшие!

С этими словами он поплелся обратно, по направлению к ранчо.

Треслер смотрел на удаляющуюся фигуру метиса, и его мысли возвращались к разговору в трактире поселка Форкс. Он вспомнил слова и характеристику Кабачка. Так вот каков был этот Черный Энтони – человек, явившийся неведомо откуда, единственный, который мог потягаться с Джеком.

Глава VII

Пьянство и его последствия

Убийство Менсона Орра вызвало сильное волнение во всем округе и заставило многих призадуматься над этим событием. К числу таких людей принадлежал Треслер, который очень тщательно исследовал место преступления. Он заинтересовался также поселением метисов, в шести милях от Москито-Бенд. Он рыскал в горах, заглядывая в самые малоизвестные долины и ущелья. Конечно, он должен был все это проделывать с величайшей осторожностью, чтобы не вызвать каких-либо подозрений на ранчо. Но, несмотря на все старания, он ничего не мог открыть и только сильно упал в мнении Аризоны, а Джеку доставил повод к самым грубым насмешкам.

Прошло две недели, и о Красной Маске больше ничего не было слышно. Мало-помалу об этом событии стали забывать, и оно попало в длинный список легенд, рассказываемых с прикрасами такими людьми, как Ренкс и Шеки из поселка Форкс.

Единственное, что все-таки поразило жителей округа, и то лишь потому, что подлило масла в огонь и усилило их глубокую ненависть к Джулиену Марболту, было его обращение с молодым Арчи Орром и отказ организовать погоню за разбойниками. Имя слепого, всегда вызывавшее самые нелестные отзывы у всех, теперь осыпалось проклятиями еще в большей степени, чем прежде. Все эти дни рабочий барак кипел, словно котел, пропитанный духом возмущения и протеста. В конце концов Джулиен Марболт послал свое запоздалое приглашение сержанту Файлсу приехать для расследования дела. Призыв полиции из Форкса возбудил надежды молодежи, но Аризона и более пожилые рабочие продолжали выражать по этому поводу большие сомнения.

Треслер надеялся, что ему будет поручено отвезти письмо полицейскому сержанту, с которым он хотел познакомиться как можно скорее, не вызывая всеобщего внимания. Но его постигло разочарование, так как Джек послал с письмом Джо Нелсона. Треслер был также огорчен тем, что теперь он не мог видаться с Дианой. Нелсон сообщил ему, по ее поручению, что Черный Энтони донес ее отцу о их встрече у брода, после чего старик запретил ей выходить из дома не иначе как в сопровождении Джека или Черного Энтони – двух приставленных к ней шпионов.

Наступил вечер, а Джо Нелсон, посланный в Форкс, все еще не вернулся. В бараке уже поужинали, дневная работа была закончена, и оставалось только покормить и напоить лошадей. Аризона, совершенно оправившийся после своей раны, готовился к тому, чтобы на следующий день снова начать работу. Он стал очень раздражительным и угрюмым вследствие того, что до сих пор не мог сесть на лошадь и приняться за свое обычное дело. Во время его болезни и выздоровления ему пришлось много оставаться с Треслером, и между ними возникло нечто вроде дружбы. Аризона сначала относился пренебрежительно к англичанину, смеялся над его неопытностью и ошибками, но в конце концов полюбил его. В свою очередь, Треслер ценил открытую честную натуру индейца, одинаково способного как на самый самоотверженный поступок, так и на то, чтобы стереть с лица земли человека, в котором он видел своего врага. Неистовый Аризона всегда готов был схватиться за оружие, полагая, что это лучший способ разрешить все затруднения. В той среде, где он находился, никто не считал это предосудительным. К тому же Аризона всегда первый выступал в защиту товарища, и потому его все любили, несмотря на неистовый и вспыльчивый нрав.

Перспектива на другой день сесть верхом на свою лошадь и скакать по безграничной прерии вернула Аризоне хорошее расположение духа, и он относился добродушно к насмешкам своих товарищей, которые раньше зачастую вызывали его вспыльчивость.

– Джо, должно быть, не вернется сегодня ночью, – заметил Аризона. – Он ведь не может пройти мимо кабака и, я думаю, здорово напился там, на Техасской дороге.

Они заговорили о Джо Нелсоне и о том, что его ожидает по возвращении на ранчо. Джек не даст ему спуску.

– Да, – заметил Аризона. – Очень уж он любит выпить. А что он честен, так это правда. Мне даже смешно, когда я подумаю об этом. Он настолько честен, что отдал бы свои шерстяные чулки, если бы старая овца пришла к нему и потребовала бы обратно свою шерсть. Знаю ли я его? Как же! Мы ведь вместе работали с ним раньше в Мониаре. Я был чем-то вроде надсмотрщика, а он был пастухом. Кабак в нашем поселке славился своими напитками, и об этом стало известно в округе. И вот однажды к нам приехал какой-то гладко выбритый парень. Где-то по соседству находился отряд Общества трезвости, и он был из этого отряда. Все это были ораторы и так мягко говорили, точно расстилали фланель. Я созвал наших парней из коралей, и он обратился к ним с речью по поводу пьянства. В пять минут он наговорил больше горячих слов, чем локомотив под высоким давлением мог бы выпустить пара через пятидюймовую течь в течение полугода. Да, он умел говорить и убедить упрямого мула, что он должен делать то, что ему не хочется делать и никогда не захочется. Когда все собрались, то он главным образом обратил внимание на Джо и сосредоточил на нем свой взгляд. Правда, бедный Джо не мог стоять прямо. И вот, выражаясь в переносном смысле, он осыпал его ударами своего красноречия, брал его за шиворот и встряхивал, как побитого щенка. Он засыпал его градом слов, начинавшихся с большой буквы, валил ему на голову груды изречений и бичевал его статьями из газет, издаваемых обществом Трезвости. И так он подействовал своими речами на бедного Джо, что тот начал плакать о своих грехах, да и все мы готовы были плакать вместе с ним. Тогда оратор говорит нам: «Идите и принесите сюда этот ядовитый напиток, этот нектар дьявола, эту гадость, которая отнимает у семей их опору и приводит целые расы к гибели». И все в таком роде. Что ж бы вы думали! Мы ведь принесли ему то, что он требовал. Да, принесли, словно глупые, прыгающие ягнята. Мы принесли ему шесть бутылок самого скверного пива, какое когда-либо изготовлялось на свете. После этого мы молчали, точно пристыженные. «Нехорошо, – думали мы, – что в нашем поселке не нашлось ни одного человека, не пропитанного спиртом и ведущего жизнь приличного гражданина». Поэтому мы потащили Джо Нелсона к реке и выкупали его, чтобы отрезвить. Затем мы улеглись. Я слышал, как некоторые из наших парней произносили молитвы, и не было ни одного, который бы не поклялся ничего не пить в течение недели. Вдруг, около полуночи, ко мне, в мою хижину, явился Джим Ярд и вызвал меня. Он сказал мне, что в поселке происходит шум и беспорядок. Оратор Общества трезвости напился пьян до потери сознания и поднял стрельбу... Понимаете, я почувствовал страшную ярость, но все-таки овладел собой, спокойно вышел из своей хижины и позвал своих парней. Те, которые вечером произносили молитвы, впервые присоединились ко мне. Мы пошли и покончили с этим... Ах, вон идет Джек. Верно, ему что-нибудь нужно.

Аризона тотчас же вернулся к своему седлу, которое он приводил в порядок, и сделал вид, что не замечает управляющего. Это был его способ показывать Джеку свое расположение. Джек, в свою очередь, бросил на него недружелюбный взгляд и обратился к Треслеру.

– Сейчас же поезжайте в Форкс, Треслер, – сказал он. – Разыщите этого негодяя, этого койота, Джо Нелсона и приволоките его сюда. Наверное, он напился пьян. Если он не доставил письма сержанту, то уж вы сами позаботьтесь об этом. Задайте хорошую встрепку старому пьянице, без всякого снисхождения.

– Я доставлю его сюда, – спокойно ответил Треслер.

– Да по приезде вздуйте его хорошенько, – настаивал Джек.

– Нет! Я не бью пьяных!

– Ну, хорошо. Он получит свое потом. Я уж позабочусь об этом.

Треслер, не говоря ни слова, повернулся и вышел. Он всегда боялся потерять самообладание в присутствии Джека. Поэтому старался как можно реже сталкиваться с ним.

Через несколько минут Треслер уже выезжал на дорогу. По обыкновению, ему пришлось сначала вступить в борьбу со своей строптивой Леди Изабеллой, которая никогда сразу не покорялась воле наездника. Прodelав несколько фокусов, она понесла его туда, куда ей заблагорассудилось, и к тому времени, когда он уже должен был подъезжать к Форксу, он оказался в десяти милях расстояния в противоположном направлении. Однако в конце концов он, как всегда, оказался победителем и заставил ее повернуть на дорогу к Форксу.

Было уже около десяти часов вечера, когда он увидел сквозь листву очертания домов, освещенных луною. Дорога шла по склону холма, через лес, и внизу все было окутано темнотой. Треслер внимательно смотрел вперед, потому что малейший шорох заставлял его лошадь бросаться в сторону. Так и случилось, когда из темноты внезапно выскочила лошадь без седока, бежавшая по дороге к ним навстречу. Треслер едва удержался в седле, так как Леди Изабелла внезапно повернула и помчалась за другой лошадью. Впрочем, на этот раз Треслер не рассердился на нее. Он сам хотел нагнать и поймать эту неизвестную лошадь. Ему это быстро удалось. Он узнал пони и старое седло Джо Нелсона, но куда делся всадник, что с ним случилось, – это был вопрос, который еще надлежало разрешить.

Поймав за повод пони, Треслер повернул назад, по направлению к поселку, и на этот раз Леди Изабелла не выказала никакой строптивости. Но у подножия холма, где все было окутано тьмой, она вдруг остановилась и стала пятиться назад, очевидно, сильно напуганная. Треслер пытался разглядеть причину ее испуга, и вскоре ему показалось, что в темноте хлопают какие-то огромные крылья, точно летит гигантская летучая мышь. Вдруг он невольно вскрикнул и схватился за револьвер. Это загадочное существо медленно двигалось прямо по направлению к нему. Испуганные лошади чуть не вырвались из его рук. Теперь он уже ясно различал какую-то темную кучу возле опушки леса. То, что казалось крыльями, как будто волочилось по земле во время движения этого странного безмолвного существа, и вдруг оно остановилось, словно залегло в траве прерии, и затем внезапно поднялось на задние ноги и, медленно раскачиваясь, стало приближаться.

Это движение было ему знакомо. Он много читал и слышал про страшных медведей Скалистых гор и теперь был уверен, что перед ним один из больших экземпляров гризли. Он выхватил оружие и приготовился стрелять, испытывая то острое ощущение, которое так знакомо каждому охотнику, впервые в жизни встречающемуся лицом к лицу с хищным зверем.

Треслер тщательно прицелился в приближающегося к нему хищника, но вдруг, в тот момент, когда он собрался спустить курок, зверь поднял голову, и луна осветила его. Треслер вздрогнул и выронил револьвер – он увидел лицо Джо Нелсона...

В первую минуту он совершенно оторопел. Он содрогнулся при мысли, что мог убить или смертельно ранить несчастного старика. Джо снова опустился на землю и пополз на четвереньках, придерживая складки широкого коричневого одеяла. Тогда Треслер все понял и не мог удержаться от смеха. В самом деле, страшный гризли превратился в безобидного пьяного Джо Нелсона, который едва держался на ногах и, очевидно, свалился с лошади.

Треслер соскочил на землю и, подойдя к нему, с силой приподнял его и заставил встать на ноги. Джо шатался из стороны в сторону и никак не мог сообразить, что случилось. Треслер усадил его под кустом и сам пошел успокаивать перепуганных лошадей. Когда это ему удалось, он вернулся к Джо, но все-таки не мог добиться от него осмысленного ответа, – передал ли он письмо сержанту Файлсу. Он обыскал его карманы, но письма не нашел. Что, если он его не передал и, напившись пьяным, потерял где-нибудь по дороге?

– Плохо тебе придется, несчастный пьяница, – говорил он Джо. – Джек не простит тебе, спустит с тебя шкуру.

Но Джо только уставился на него бессмысленными глазами.

– Ну, старый черт, я все же вытряхну из тебя хмель по дороге на ранчо. Вставай!

Он с силой поднял Джо, встряхнул его и посадил в седло, взяв пони под уздцы и другой рукой держа повод своей лошади, которая, к удивлению, присмирела, точно удивленная случившимся. Они медленно взбирались по дороге, идущей в гору, и Треслер не спускал глаз с пони, который вез на себе пьяный груз. Однако спустя некоторое время Джо несколько протрезвился и тогда вспомнил о письме. Он доставил его по назначению, но на обратном пути, проезжая мимо кабака, не мог удержаться и зашел туда. Он, видимо, старался оправдать себя в глазах Треслера и даже высказал ему обиду за то, что он мог сомневаться в исполнении поручения.

– Прекрасно, Джо! Но, шутки в сторону, вам придется расплатиться за ваше пьянство. Я видел по глазам Джека, когда уезжал, что он вам этого не простит, – сказал Треслер.

– Я знаю, – ответил Джо спокойно.

– Так зачем вы это делаете?

– Не все ли равно зачем? Джек уже много раз мог убить меня. Я знаю, что в конце концов он прикончит меня. Завтра он, конечно, набросится на меня, но все равно это ничего не изменит. Для меня существует только две радости на этом свете, и одна из них – выпивка. Но ведь я никому не делаю вреда, когда бываю пьян, никому не мешаю и не изменяю своему долгу. Я чувствую себя счастливым, когда пьян. Если это так, то кому какое дело до того, что мне доставляет удовольствие...

Он взглянул на Треслера своими маленькими блестящими глазками.

– Зачем беспокоить себя мыслями о своей жизни? – продолжал он. – Она этого не стоит! Ведь нас не спрашивают, хотим ли мы родиться на свет или нет. И я думаю, что люди не правы, говоря, что мы обязаны что-то делать потому, что родились на свет...

– Какая же другая вещь, которой вы дорожите в вашей жизни? – спросил Треслер, прерывая его рассуждения.

– Она... ее жизнь... Цветок, который я так оберегал до сих пор! – воскликнул он умиленно. – А теперь плевелы, сорная трава грозят задушить ее. У меня не хватает сил справиться с ними. Нет спасения... Ее жизнь превратится в ад...

– Чья жизнь? Про кого вы говорите?

– Про кого? Вы не догадались? Конечно, про мисс Диану!

– Кто же ей угрожает?

– Кто? Джек... и ее отец!

Треслер несколько минут молчал, потом спросил:

– Поэтому вы и остались так надолго в этом ранчо?

– Да, поэтому. Но много ли я, несчастный пьяница, могу сделать!.. Джек непременно хочет завладеть ею. Джек, которому порой может быть только волчиха. А отец ее ненавидит. Я никогда не мог узнать почему. Он не позволяет себе того, что Джек со мной, но действует хитро, как дьявол. Иногда я готов плакать, как дитя, видя, как она мучается. Он постоянно грозит ей, что выдаст ее замуж за Джека. И она никогда не жалуется, никогда. Ах, вы не знаете этого Слепого Дьявола. Он вовсе не намерен выдавать ее за Джека, и, я полагаю, она знает это. Но все равно, так или иначе, он ее замучает.

Треслер смотрел на пьяного Джо и с удивлением думал о том, как много человечности в этом опустившемся существе.

– Джо, – сказал он наконец, – я хочу пожать вам руку и считать вас своим другом.

Старик крепко пожал протянутую руку и дрожащим голосом проговорил:

– Треслер, вы хороший человек... Я буду говорить вам все, что знаю, и все, что видел. Если Джек принудит Слепого Дьявола, – а он может это сделать, – то да спасет Господь бедную девушку. Но я клянусь, что разобью ему череп чем попало, если он завладеет мисс Дианой...

– Скажите, чем я могу помочь ей, и положитесь на меня, – сказал Треслер.

– Я думаю, вы сами знаете. Когда дело дойдет до этого, вы должны быть возле нее. Возьмите девушку в свой собственный кораль и наложите на нее свое клеймо. Вот что нужно сделать.

– Я понимаю. Жениться на ней, да?

– А почему бы и нет. Вы даже ее не стоите. И никого здесь нет, кто бы стоил ее... Но это единственный способ спасти ее от Джека. Вы сделаете это. Я вижу по вашему лицу, что вы это сделаете...

Они подъехали к ранчо и расстались.

Глава VIII

Первое вмешательство Треслера. Бешеная скачка

Энтузиазм составляет главную движущую силу жизни ковбоя. Без энтузиазма ковбой неминуемо опускается на уровень обыкновенного наемного работника, что далеко не одно и то же в социальных условиях этой области.

Ковбой иногда бывает хорошим человеком, с точки зрения прописной морали, но чаще бывает дурным. Он не признает никаких полумер. К своей лошади он питает такую же нежность, как мать к своему ребенку. Он будет играть в покер до тех пор, пока у него не останется в кармане ни одного цента. Когда он пьет, то также не знает меры. Он всегда готов к ссоре и всегда доводит ее до конца. У него есть много хороших сторон, но, чтобы получить истинное и неприкрашенное понятие об этом детище прерий, всего лучше, конечно, узнать его недостатки.

Ковбой прежде всего наездник. Он так гордится своим искусством верховой езды, что это почти граничит у него с манией. Он до мелочности разборчив во всем, что касается его лошади, его одежды, сапог, шляпы, яркого шелкового шейного платка и рукавиц. Вообще, он хочет быть франтом, и его франтовство составляет целую науку. Но это не мешает ему быть превосходным наездником. Он не обязан объезжать лошадей, но он любит укрощать молодых жеребцов. Это служит для него развлечением и отдыхом от скучной, однообразной работы, клеймения скота, кормления, загона его в корали, исправления изгородей и всего того, что ему приходится исполнять на ранчо.

Поимка и укрощение диких лошадей должны были происходить в Москито-Бенд на следующий день, и все рабочие ранчо находились поэтому в возбужденном состоянии; в бараке господствовал шум и веселье в то время, как приготавлился завтрак. Марболту удалось заключить контракт о снабжении полиции большим количеством верховых лошадей, и по условиям договора все эти лошади должны были быть обучены ходить под седлом и хорошо выезжены.

Треслер встал одновременно со всеми остальными рабочими фермы, чтобы принять участие в ловле лошадей. Пока приготавлился завтрак, он пошел за своим седлом. Надо было осмотреть, в порядке ли оно, так как он ведь купил его из вторых рук, от одного из своих товарищей. Осматривая седло, он думал о своем разговоре с Джо Нелсоном прошлой ночью. Этот разговор заставил его уяснить себе свое положение на ранчо. Он не мог уже считать себя простым учеником, наблюдателем, присматривающимся к работе на ранчо и в известной мере свободным в своих поступках. Раньше он мог делать то, что ему хотелось, мог отделать себя от ранчо и умыть руки относительно всего, что там делалось. Теперь это изменилось! Хочет ли он или нет, но он должен сыграть свою роль. Он занял известное положение, возлагавшее на него ответственность, от которой он не хотел отказываться.

Седло было приведено в порядок, лошадь вычищена и накормлена. Покончив со всем этим, он отправился в барак завтракать. Проходя мимо домика управляющего, он услышал голос Джека, который окликнул его с какой-то непривычной приветливостью:

– Доброе утро, Треслер! Поздненько вы вернулись прошлой ночью!

Треслер подошел и остановился в дверях.

– Да, – ответил он холодно. – Лошадь пустилась вскачь и отнесла меня на десять миль к югу. Когда я вернулся на дорогу в Форкс, то встретил Нелсона, возвращавшегося домой.

– О, ваша лошадь – настоящий дьявол! Как же вы справляетесь с ней?

– Ничего. Я все же предпочитаю ее какой-нибудь неуклюжей кляче. Это самая прекрасная породистая лошадь, на какой мне когда-либо приходилось ездить.

– Да, я думаю, вы правы. Хозяин всегда ее ценил. Лошадь эта нездешняя. Он ее купил у каких-то метисов, проходивших со своим скарбом через эту страну, года три тому назад. Так, по крайней мере, он рассказывал мне. Мы тщетно пробовали ее объездить. Вам это все-таки

удается... А скажите, Нелсон объяснил вам, почему он так запоздал? – вдруг спросил Джек, кончив зашнуровывать свои тяжелые, высокие сапоги и выпрямляясь.

– Нет, – ответил Треслер. – Я его не спрашивал.

– Я думал, он сказал вам. Он был пьян?

– Нет.

– Так, что же могло задержать эту свинью? – воскликнул Джек свирепым тоном.

– Это меня не касается, – так же холодно возразил Треслер. – Нелсон отдал письмо, мне же ничего другого не оставалось, как поторопить его и вернуться домой.

– Я готов поклясться, что он целый день пропьянствовал в кабаке! Ну, я увижу его позднее...

Треслер равнодушно пожал плечами и пошел своей дорогой. Никто не вызывал в нем такого раздражения, как этот человек. Рано или поздно произойдет кризис, – он это чувствовал, несмотря на все успокоительные уверения Дианы.

В бараке уже кончили завтракать, и Треслеру пришлось самому раздобывать себе пищу. Повар, очень благоволивший к нему, дал ему хорошую порцию бобов со свиной и большой кусок свежеспеченного хлеба.

Когда он разговаривал с поваром, приятно улыбаясь в предвкушении вкусного завтрака, откуда-то со стороны конюшни донесся жалобный, заглушённый крик. Треслер нахмурил брови, прислушиваясь. Крик повторился, и он тотчас же, не раздумывая, бросил завтрак и выбежал из барака. По дороге он захватил тяжелую плеть из сыромятного ремня. На ногах у него были мягкие мокасины, и его шагов совершенно не было слышно.

Около домика Джека он услышал его голос, изрыгавший ругательства, и вслед за тем сдавленный крик, в котором едва можно было распознать голос Нелсона, жалобно призывающий на помощь.

В один миг Треслер очутился по другую сторону хижины. Там, на земле, лежал Джо Нелсон, защищая руками свою голову, а Джек, с искаженным лицом, бил его своими тяжелыми сапогами, подбитыми железом.

Кровь бросилась в голову Треслеру. Не раздумывая, он поднял свою плеть, которая взвилась над головой Джека и ударила его по лицу. Это произошло так внезапно, что великан не успел опомниться. С криком боли он схватился руками за окровавленное лицо, но следующий удар плети свалил его на землю.

Его падение сразу отрезвило Треслера. В это время из барака сбежались люди, с изумлением смотревшие на эту сцену, Треслер поднял на руки избитого старика и понес его в барак, в сопровождении безмолвных товарищей. Там он положил Джо на свою кровать, и тогда все окружили его и закидали вопросами. Аризона говорил меньше всех, но оказал наибольшую помощь. Вместе с Треслером он раздел старика, находившегося в бессознательном состоянии, и осмотрел нанесенные ему повреждения. Кости рук и ног у него не были сломаны, но относительно ребер Аризона был в сомнении. На голове у него было несколько ран от ударов сапога, что, вероятно, и было причиной его обморока. Соединенными усилиями и с помощью холодной воды Аризоне и Треслеру удалось привести в чувство старика. Тогда Треслер обратился к стоящим вокруг него людям.

– Ребята, – сказал он, – помните, то, что случилось, касается только нас троих: Джо Нелсона, меня и Джека. Я сам разрешу это по-своему. А теперь мы должны заняться своей работой.

В ответ на это послышался ропот. Аризона хотел что-то возразить и высказать общее мнение товарищей. Но Треслер прервал его на полуслове:

– Слушай, Аризона. Ведь мы все добрые друзья здесь! Ты бы не захотел, чтобы я вмешивался в твою ссору?

– Да... но...

– Никаких «но»... – И Треслер открыто и смело взглянул в лицо Аризоне.

Неистовый индеец невольно подчинился его влиянию и сдержался.

– Пойдем, ребята! – сказал он, обращаясь к окружающим. – Он прав! Пора приняться за работу.

Как только все ушли, Треслер запер за ними дверь и вернулся к старику.

– Тебе лучше, Джо? – спросил он.

– Да, – отвечал тот слабым голосом. – Кажется, у меня кости целы...

Треслер уселся возле него на скамье. Джо закрыл глаза.

– Не говорите об этом мисс Диане, – прошептал он.

– Она, наверное, услышит об этом, – сказал Треслер.

– Лучше бы меня убили, – опять заговорил Джо. – Вам не надо было вмешиваться в эту историю. Ведь теперь вас постараются выгнать из ранчо. Вы не обо мне должны были заботиться, а о мисс Диане.

– Не беспокойтесь, Джо, – возразил Треслер. – Меня не могут выгнать.

– Ах... Вам не надо ссориться с Джеком, – продолжал старик. – Ради мисс Дианы вы должны остерегаться этого... Идите на работу... Не задерживайтесь здесь.

Треслер понимал, что Джо был прав, и поэтому ответил:

– Хорошо, Джо! Я пойду... Я буду сдерживаться в будущем. Но и вы не напивайтесь больше. Не давайте повода...

Он вышел, но на пороге столкнулся с Дианой. В руках у нее была корзинка, в которой лежали кое-какие припасы, принесенные ею для Джо. Она была очень взволнована, и Треслер постарался ее успокоить, сказав ей, что старик скоро поправится, так как никаких серьезных повреждений у него нет.

– Я думала, что он уже умер, когда увидела, что вы взвалили его себе на плечи, – сказала девушка. – Я так была встревожена, что не могла больше оставаться дома. Только я не знала, как мне прийти сюда незамеченной. Но приехал сержант Файлс, и отец ушел с ним в контору. Я подождала, пока Энтони удалился с лошастью полицейского, и тотчас же побежала сюда.

– Ну что ж, войдите, мисс Диана. Старый Джо будет рад видеть вас. Здесь еще ничто не убрано, но, я надеюсь, вы на это не обратите внимания. Только не оставайтесь здесь долго и не позволяйте Джо разговаривать. Будьте осторожны!

Девушка кивнула головой. Треслер посмотрел в сторону конюшни. Все люди уже сидели на своих лошадях. Он увидел, что Аризона ведет двух оседланных лошадей, и узнал, что одна из них была его Леди Изабелла. Его очень тронуло такое внимание со стороны Аризоны.

– Сержант Файлс находится здесь, – сказала с ударением девушка. – Ночные всадники... Вы знаете.

– Я повидаюсь с ним, – отвечал Треслер.

Леди Изабелла тотчас же принялась за свои фокусы, когда он вскочил в седло. Он с трудом сдерживал ее, и она то и дело становилась на дыбы, плясала и поворачивалась из стороны в сторону. Как раз в самый разгар его борьбы с лошастью на дороге показался другой всадник, который остановился и с восхищением смотрел на эту сцену. Но только когда Леди Изабелла, убедившись в бесполезности своих усилий сбросить наездника, покорила своей участи, Треслер заметил незнакомца и тотчас же догадался по его костюму, кто он был.

– Сержант Файлс? – спросил он, подъезжая.

– Да, – отвечал полицейский офицер, с любопытством оглядывая всадника и в особенности его лошадь.

Наружность сержанта была совсем не внушительная. Он был небольшого роста, довольно плотный человек, очень здоровый на вид и больше похожий на сельского работника или на фермера, нежели на полицейского офицера. Но, несмотря на свою неказистую, простоватую наружность, он обладал недюжинным умом, был хитер и ловок, как кошка. Его наружность обманывала многих, считавших его недалеким, добродушным человеком и словно не замечав-

ших холодного, пронизательного взгляда его глаз, спрятавшихся под густыми нависшими бровями.

– Ваша лошадь замечательно хороша! Чистокровная! И вы недурно справляетесь с нею, – заметил сержант. – Скажите мне ваше имя.

– Треслер... Джон Треслер.

– Вы здесь недавно?

Тон полицейского был холодно-официальный. Треслер отвечал кивком головы.

– А! Значит, вы переведены сюда из другого ранчо?

– Все нет! – засмеялся Треслер. – Я приехал сюда добровольно, чтобы учиться фермерскому хозяйству. Хочу завести собственное ранчо потом... Но я поджидал вас, сержант. Мне надо поговорить с вами.

Сержант устремил на него свои пронизательные глаза.

– В этой стране происходят странные вещи. Вы, может быть, слышали об этом? – нерешительно проговорил Треслер.

– В скотопромышленных районах можно творить что угодно, если клеймо на скоте легко изменить и нет никого, кто бы занялся расследованием таких дел, – холодно заметил полицейский, не спуская глаз со стройных ног Леди Изабеллы.

– Опять Красная Маска? – спросил Треслер.

– Разумеется!

– Вы слышали рассказ об его последнем набеге? Об убийстве Менсона Орра?

– Слышал от Марболта... и от других. Слепой предложил пять тысяч долларов награды за поимку разбойника.

– Это лучше, чем я мог ожидать, – заметил Треслер. – Видите ли, слепой как-то странно отнесся к этому. Он сам потерял скот, но когда наши люди предложили ему погнаться за Красной Маской, то он отнесся к этому предложению недоброжелательно и пригрозил уволить каждого, кто покинет ранчо с этой целью.

– Я нашел, что он очень предупредителен, – возразил сержант.

– Конечно, – ответил Треслер несколько разочарованно. Очевидно, сержант не был расположен разговаривать с ним. Но больше всего Треслера раздражало особенное внимание, которое он оказывал лошади. Теперь сержант Файлс пристально рассматривал плечо Леди Изабеллы, где были едва заметны следы старого клейма.

– Мне надо кое-что рассказать вам, сержант, – снова заговорил Треслер. – Вы, в качестве официального лица, может быть, найдете это интересным. Ввиду последних событий я, во всяком случае, считаю это заслуживающим внимания.

– Говорите, – отвечал сержант, не сводя глаз с лошади.

«Что он находит в ней замечательного?» – подумал Треслер и тоже со вниманием посмотрел на ноги и плечи своей лошади. Хотя полицейский офицер и не проявил особенного интереса к словам своего собеседника, но Треслер все же подробно рассказал ему о том, что он видел в первую ночь после своего приезда в Москито-Бенд, а также передал рассказы других лиц, бывших случайными свидетелями появления ночных всадников.

– Видите ли, сержант, – прибавил он в заключение, – я думаю, что я был прав, не говоря никому об этом до разговора с вами. Все это случалось здесь уже несколько раз и, без сомнения, случится опять. Что вы думаете об этом?

– Это самое прекрасное животное, какое мне только приходилось видеть! Единственно только... – вдруг сказал Файлс, но, заметив нетерпеливый жест Треслера, удивленного этими словами, не имевшими отношения к его рассказу, сержант точно спохватился и прибавил: – Да, все это очень интересно, конечно...

– Вам Марболт рассказывал что-нибудь о прежних посещениях ночных всадников? – спросил Треслер.

– Он много говорил мне... У меня не было времени выслушать его до конца.

– Что он рассказал вам?

– Главным образом, он говорил мне о революционном духе, который обнаруживается теперь на ранчо.

– Вот как...

Треслер понял ловушку, которая была расставлена ему.

– Вы, по-видимому, подозреваете, что между ночными всадниками и кем-то на ранчо существует соглашение? – заметил он полицейскому.

– Да! Я имел в виду, что вы поймете это!

– Кого же вы подозреваете? И какие у вас основания? – быстро спросил Треслер.

– Мои подозрения ни на чем не основываются пока, – отвечал Файлс, и затем, взглянув прямо в лицо Треслеру, прибавил: – Я рад, что у нас с вами был такой разговор. Я убедился, что вы наблюдательны и осторожны. Если у вас появятся основания подозревать кого-нибудь и вы захотите сообщить мне об этом, то вы можете снести со мною в любое время дня и ночи. Я хорошо знаю репутацию этого ранчо и сюда приехал специально, чтобы повидаться с вами. Как видите, я вас тоже знаю! У нас есть общие знакомые в Форксе. Вы понимаете, конечно, что вы не можете иметь со мною открытые сношения. Поэтому обратите внимание на эту речку. Наверное, вы найдете способ послать мне сообщение таким путем. У меня поставлен дальше, вниз по течению реки, тайный патруль. По некоторым причинам я не хочу, чтобы об этом знали, но он всегда находится на месте. Однако без положительной необходимости не вызывайте патруля. Но если я получу от вас послание таким способом, то буду действовать немедленно. Я узнал очень многое сегодня, так много, что, мне кажется, мистер Треслер, вам придется, пожалуй, скоро обратиться к этой реке, как к способу сношения со мною. Я прошу вас только быть осторожным, очень осторожным!

Сержант опять обратил свое внимание на лошадь Треслера.

– Что за красавица... Это ваша собственная лошадь? – спросил он.

– Нет! Она принадлежит хозяину ранчо. Мне она дана только в пользование, – отвечал Треслер. – Джек говорил мне, что слепой купил ее у метисов. Хозяин очень ценит эту лошадь, но объездить ее оказалось невозможным. Это было три года тому назад. Я думаю, что она семилетка.

– Да. Ей семь лет. Это благородное животное, – сказал Файлс.

– Вы как будто знаете ее?

Сержант ничего не ответил и, приложив руку к шляпе, повернул свою лошадь налево кругом. На прощание он еще раз крикнул:

– Не забывайте реку.

В течение нескольких минут Треслер смотрел ему вслед, как вдруг его лошадь попятилась назад и плюхнулась в воду. Выбравшись на берег, Леди Изабелла закусил удила, затем, сердито фыркая, вытянула шею и поскакала во весь опор вдоль по дороге. Теперь Треслер знал, что удержать ее невозможно и что ему оставалось одно из двух – либо держаться в седле изо всех сил, пока лошадь не утомится сама, либо соскочить с нее при первом удобном случае. Взбесившаяся лошадь мчалась как стрела, не обращая внимания на препятствия, и на повороте прямо устремилась в лесную чащу. К счастью, она попала на тропинку, протоптанную скотом. Треслер едва успел увидеть темную тень леса, как уже погрузился в нее. Низко опустив голову и почти зарывшись лицом в развевавшуюся гриву лошади, чтобы защититься от веток, он предоставлял им хлестать свою спину.

Смерть подстерегала его на каждом шагу! В лесу были глубокие ямы, куда он мог свалиться вместе с лошадью и, в лучшем случае, искалечить себя и ее. Несмотря на это, он ощущал какое-то жуткое чувство радости, нечто вроде опьянения от этой головокружительной скачки

в сумраке леса, где эхо гулко разносило стук копыт. Тяжело дыша и прижимаясь к шее лошади, он ждал конца.

И вдруг сумрак пронизал луч солнца! Треслер чуть не свалился с седла, потому что лошадь на всем скаку свернула в сторону. Он отчаянно вцепился в ее гриву и обнял ее за шею. Все это продолжалось несколько секунд. Когда же ему удалось восстановить равновесие, то он увидел перед собою старую, давно заброшенную лесную дорогу, свободную от всяких цреград. Деревья расступились, и открылась широкая просека, над которой сияла безоблачная лазурь летнего неба.

Треслер был изумлен. Куда могла вести такая дорога? Далеко впереди, возвышаясь над густой листвой, виднелись мерцающие снеговые вершины, а ближе, совсем близко – опушка леса и неровная, бугристая поверхность предгорий. Непосредственная опасность миновала, и он уже мог обдумать свое положение. Необходимо было во что бы то ни стало остановить или, по крайней мере, умерить неистовый бег лошади, но все усилия задержать ее оказались напрасны. Однако ему бросалась в глаза какая-то перемена в ней; она уже не мчалась слепо вперед, как раньше. Местность как будто была ей знакома. Вскоре Треслер заметил другие следы на этой дороге. Он начал было надеяться, что скачка скоро прекратится. Но и эта надежда была обманута. Зная нрав своей лошади, он понял, что ему предстоит еще скакать несколько миль.

Просека постепенно расширялась, и лес редел с каждой стороны. Почва становилась все более неровной и постепенно повышалась. Треслер знал, что он скоро попадет в лабиринт леса, скал и оврагов, образующих подножие гор. Лес кончился сразу, и перед глазами Треслера открылось пространство, покрытое обломками каменных глыб и изрезанное зияющими пропастями. Чем дальше, тем хаотичнее нагромождались скалы, становясь все выше и выше. Эта пустынная местность носила какой-то особенно зловещий отпечаток. Однако перемена окружающей обстановки не оказала никакого влияния на лошадь, которая продолжала мчаться вперед по знакомой дороге. Треслер стал искать глазами реку. Он знал, что она должна находиться где-нибудь поблизости. Он посмотрел направо и действительно увидел реку Москито, которая текла узким пенящимся потоком между высокими скалистыми берегами. Вверх по течению берега реки скрывались в тени почти обнаженных холмов, образующих узкий вход в долину, находившуюся за ними.

Треслер был не на шутку встревожен. Отверстие между холмами казалось очень узким, дорога же вела прямо в эту расщелину. Он еще раз взглянул на реку внизу и впервые вздрогнул при мысли о надвигающейся опасности. Скалы близко сходились впереди него, и он не мог избежать этого пункта, так как был прикован к своей лошади. Никакой надежды остановить ее у него не было.

Скалы быстро мелькали перед его глазами. Холм с левой стороны превратился в крутой утес, и вся местность, лежавшая перед ним, приобрела вид грозного ущелья. Дорога слегка поднималась, извиваясь так сильно, что он ничего не мог разглядеть впереди.

Вдруг он увидел справа другую, чуть заметную тропинку, ответвляющуюся от дороги, по которой он ехал. В первую минуту он испугался, что лошадь его свернет на эту тропинку. Он знал, что она вела к реке. Но страх его оказался напрасным. Леди Изабелла не имела намерения покинуть избранный ею путь.

Вслед за тем дорога внезапно оборвалась, и лошадь неслась уже по узкой плоской поверхности, едва покрытой мелким ветвистым кустарником. Треслер боялся думать, что будет дальше. Они достигли уже самого узкого пункта ущелья, между двумя утесами. Там, на расстоянии пятидесяти ярдов впереди, протекала река, и они мчались прямо к ней.

У него оставалась единственная надежда! Он знал, что река в этом месте суживалась. Может быть, еще возможен прыжок? Он заставит лошадь прыгнуть, как только она подбежит к берегу. А может быть, это капризное животное само почует опасность и сделает все, чтобы спасти свою жизнь. Он боялся думать и надеяться и все-таки надеялся...

Он мог теперь рассмотреть пропасть и убедился, что она была шире, чем он предполагал. Кроме того, противоположный берег был ниже, и его края были покрыты зарослями кустарника. Он слышал внизу шум потока, и ему казалось, что этот шум исходит откуда-то из самых недр земли.

Пропасть приближалась к нему с огромной быстротой. Он напряг все свои силы, чтобы удержаться в седле, понимая, что его жизнь зависит от этого, а главное – от сил его лошади. Пригнувшись к ее голове, он громко крикнул ей в ухо, натянув поводья и вонзая шпоры в ее бока. Это произвело мгновенное действие. Точно какая-то невидимая сила приподняла ее, и ему показалось, что лошадь летит в воздухе, увлекая его вместе с собою. Он ничего не слышал, ничего не видел и только изо всех сил старался удержаться, ухватившись за гриву лошади. Затем он почувствовал сильнейший толчок, и прежняя бешеная скачка продолжалась.

Оглянувшись назад, он увидел за собою зияющую бездну. Прыжок был такой необыкновенный, что он невольно почувствовал восхищение и, нагнувшись, ласково потрепал взмыленное плечо лошади. Ее бешеный темперамент нашел, по-видимому, удовлетворение в этом диком прыжке. Треслер даже засмеялся. Он мог теперь смеяться, потому что видел конец своего путешествия. Он попал теперь на дорогу, которая, наверное, являлась продолжением прежней. Она пересекала реку и, прихотливо извиваясь, поднималась вверх, к вершине холма. Подъем был настолько крутой, что, пожалуй, он не придется по вкусу и самой Леди Изабелле.

Так и случилось. Она попыталась взобраться наверх, но рыхлая песчаная поверхность и крутизна несколько раз заставляли ее споткнуться, и, наконец, она упала на колени и остановилась.

Треслер тотчас же соскочил с седла и потянул за поводья, в то время как лошадь делала усилия, чтобы подняться на ноги. Она запыхалась так же, как и ее хозяин, и оба они в течение нескольких минут стояли рядом на склоне холма, стараясь отдышаться. Теперь Треслер мог хорошо рассмотреть речку внизу и оценить сделанный его лошадью прыжок. А немного дальше глазам его представился удивительный вид. В том месте, где течение реки суживалось, через нее был переброшен мост, грубо сколоченный из сосновых бревен. Некоторое время Треслер в раздумье смотрел на него и наконец воскликнул:

– Куда, к какому черту ведет эта дорога?

Потом он повернулся и стал всматриваться туда, где дорога огибала холм, исчезая за ним. Треслер решил исследовать это место и, взяв за повод лошадь, стал взбираться на холм.

Леди Изабелла даже налегке едва держалась на ногах. Песок был глубокий и рассыпался под ногами на каждом шагу. Наконец они достигли того пункта, где дорога исчезала. Они находились на вершине утеса, имевшего не более двадцати футов в ширину и пятидесяти в длину.

Утес возвышался над долиной, простиравшейся вдаль и представлявшей собой углубление среди больших холмов у подножия горного хребта. Вершины этих холмов точно сторожили долину, а внизу, насколько хватало глаз, расстиралось зеленеющее ущелье, дно которого представляло чудесное пастбище, покрытое сочной травой. Холмы были крутые и поднимались прямо над дном долины, но кое-где бока их становились отлогими, и по ним можно было спуститься. Там, где стоял Треслер, утес обрывался в пропасть, и единственным доступом к нему была дорога, извивавшаяся по другую сторону холма.

Но здесь как раз заключалась разгадка этой таинственной дороги. Сбоку крутого утеса прилепилась маленькая хижина, сложенная из бревен, хвороста и глины и вбитая в скалу. У нее была одна дверь и окно, заделанное пергаментом. Такие хижины можно было найти у трапперов прежних времен, устраивавших свои жилища по возможности на недоступных местах ради безопасности от нападения индейцев.

Но какое великолепное стратегическое положение занимало это жилище! Забаррикадовав единственный доступ к нему, осажденный мог смести своим ружейным огнем целый отряд, который пытался бы добраться до него.

Треслер подошел к самой хижине. Дверь была закрыта, а пергаментное окно не позволяло заглянуть внутрь. Наружный вид хижины указывал на то, что она была недавно подновлена. Треслер, внимательно рассматривая постройку, обошел ее с трех сторон и вдруг увидел еще одно доказательство предусмотрительности старых трапперов. Скала, почти отвесно поднимавшаяся на двести или триста футов, сзади становилась отлогой, и тут было высечено в ней нечто вроде примитивной лестницы. Она была достаточно опасна и могла вызвать головокружение у того, кто смотрел на нее. Ступени поднимались все выше и выше, к самой верхушке утеса. Треслер попробовал подойти к началу лестницы, но тотчас же отпрянул назад. Внизу была пропасть, по крайней мере в пятьсот футов глубины.

Его воображению представилась целая картина.

Какой-нибудь бедняга-охотник, преследуемый и осажденный воюющими индейцами, бежал темной ночью из маленького укрепления. Этот страшный утес казался ему единственным спасением. Он начал взбираться на него. Казалось, верхушка была уже близка. Но вот один неверный шаг, и он скользит вниз. Он цепляется руками за известняк, но не может удержаться и летит все ниже и ниже...

Треслер поторопился отвернуться от этой лестницы, испытывая непривычное сосущее чувство. Он привязал лошадь к железному кольцу, вделанному в стену хижины, и продолжал свои исследования. Дверь хижины оказалась запертой на обыкновенную задвижку, и ему нетрудно было открыть ее. Но им овладело какое-то странное чувство, когда он переступил порог этого таинственного жилища, которое, быть может, служило убежищем какому-нибудь охотнику за пушным зверем. Он остановился в дверях, прислушиваясь, и наконец громко крикнул: «Алло!» Ответа не последовало. Тогда он вошел в комнату.

В первый момент он ничего не мог рассмотреть. Переход от яркого света к полутьме, господствовавшей внутри лачуги, был слишком резок. Но когда его глаза привыкли к сумраку, он увидел только пустые стены, обмазанные глиной, и жалкую обстановку, заключавшуюся в двух поломанных стульях, шкафе, сделанном из ящика, где хранилась кое-какая хозяйственная утварь, и в столе, который имел только две ноги и стоял прислоненный спиной к центральному столбу, поддерживавшему крышу. В дальнем углу стояла кровать из досок, положенных на деревянные козлы. Вместо матраца лежал коричневый мешок, набитый соломой, и на нем два скомканных одеяла. Несколько таких же одеял валялось на полу вместе с оторванными от них кусками, служившими, вероятно, для починки других одеял или же верхних рубашек.

Никаких других признаков обитателя этого убогого жилища нигде не было видно, но все-таки можно было заметить, что недавно тут кто-то был. Треслер с удивлением думал, какой человек мог жить в такой лачуге, и, решив наконец, что она служила лишь временным случайным убежищем, вышел наружу, тщательно заперев за собою дверь. Его лошадь встретила его радостным ржанием. Очевидно, и ей хотелось поскорее выбраться из этого места.

Спуск оказался таким же трудным, как подъем, и, пожалуй, еще более опасным! В конце концов все сошло благополучно, и у подножия холма Треслер мог снова сесть верхом на свою лошадь, которая теперь сделалась такой послушной и спокойной, как будто она никогда и не была другой.

На обратном пути Треслер невольно задумался над тем, каким образом бревна, из которых выстроена хижина, были доставлены на вершину утеса. На склоне холма не росло ни одного дерева, ничего, кроме мелкого кустарника. Один человек, конечно, не мог этого сделать. Он не мог бы также построить и мост, переброшенный через реку. Несомненно, здесь работало несколько человек. Но Треслер терялся в догадках, кто были эти люди.

Глава IX

Снова ночные всадники

Прошла неделя, прежде чем Треслер снова увиделся с Джеком. Когда он вернулся из своей неожиданной поездки в горы, поимка молодых жеребцов и их объездка уже были в полном ходу, но ему не пришлось участвовать в этом веселом развлечении. Джекоб Смит ждал его с предписанием от Марболта немедленно ехать в Калфорд и там все приготовить к приемке молодых лошадей, предназначенных для полиции. Треслер отлично понял, что его отсылали, чтобы дать время Джеку успокоиться и устранить опасность дальнейшего конфликта.

Получив инструкции, он тотчас же приготовился к отъезду. Старый Джо был искренне огорчен, Аризона же сделал ему характерное предостережение. Он только что отстегал упрямого молодого жеребца, не пожелавшего сдвинуться с места, после того как его оседлали. Увидев Треслера, который уже собрался в путь, Аризона подошел к нему и, тяжело дыша от усталости, прохрипел ему на ухо:

– Держите оружие наготове! Это самый лучший товарищ, на которого вы можете всегда положиться. Остерегайтесь только пускать его в ход без нужды.

В этом совете не было особой надобности. Поездка Треслера была для него настоящим отдыхом после пережитых им волнений. Он хорошо выполнил свое поручение и, когда прибыли лошади, передал их властям. С большим интересом он наблюдал, как полицейские обращались со своими лошадьми, как терпеливо и методично они приучали их к себе. Закончив свои дела, Треслер поехал назад на ранчо в сопровождении Роу Гаррисса и Лью Каули, которые привели лошадей в город.

Возвращение Треслера в Москито-Бенд было совсем не похоже на его первый приезд туда. Ему казалось теперь, что прошло бесконечно долгое время с тех пор, как все встречные осмеивали его костюм для верховой езды. Столько событий произошло с тех пор! Теперь уже Треслер считал себя настоящим жителем прерии. Правда, многому еще надо было научиться, но костюм у него был такой же, как у других ковбоев. Он носил такие же молескиновые штаны, такую же лисью куртку, мексиканские шпоры и мягкую широкополую шляпу. Его больше не называли «франтом в штанах», как в первые дни, и он искренно гордился таким превращением и тем, что теперь все считали его своим товарищем. Он чувствовал свою близость к этой стране, жизнь которой, несмотря на всю ее грубость и суровость, более всего отвечала его натуре.

Был уже вечер, когда он приехал в Москито-Бенд. Солнце низко опустилось над западными холмами, и длинные тени потянулись к земле. Верхушки деревьев и вершины холмов, покрытые лесом, были освещены красноватым заревом заката. В тени, отбрасываемой холмами, на зеленых склонах раскинулось ранчо с его разнообразными постройками и большим домом, наблюдавшим сверху за своим обширным хозяйством.

Треслер был рад вернуться в Москито-Бенд, каково бы ни было будущее, которое ожидало его там. Ему не хватало его товарищей, не хватало Аризоны с его пылким, неукротимым духом, не хватало Джо с его добродушной смешной наружностью и честным, стойким сердцем. Но, конечно, он больше всего хотел увидеть Диану, услышать ее голос. Каждый день, проведенный им в отсутствии, он думал с тревогой о том, что могло случиться с нею. Джо был при ней и, конечно, должен был все сообщать ему, но этого было недостаточно для него. Иногда его тревога была так сильна, что он готов был бросить работу и поскакать домой.

Его чувства достигли высшей степени напряжения, когда он миновал брод и выехал на дорогу на ранчо. Он не говорил ни с кем из своих спутников, да и они, по-видимому, не были склонны к разговорам. Все трое молча проехали корали и подъехали к бараку. Дружеские излишества не в обычае у ковбоев. В прерии редко говорят «прощай», разве только в том случае,

если кто-нибудь из товарищей вступит на «путь без возврата», то есть умирает. Но и тогда прощение бывает лишено всякой аффектации.

Джек стоял в дверях своего домика, когда Треслер подъехал к нему, чтобы дать отчет о своей поездке. На лице Джека еще были заметны следы от удара плетью, и Треслер, заметив это, почувствовал сожаление о своем поступке. Однако он не выдал своих чувств. К его удивлению, Джек проявил по отношению к нему только холодную вежливость, и ни одного резкого замечания не сорвалось с его уст.

Кончив свой доклад, Треслер поехал к конюшне и разнуздal свою лошадь на ночь. Затем он направился к бараку, но по дороге его остановил Джо, который, очевидно, поджидал его. Они не здоровались друг с другом, и Треслер только спросил его:

– Ну что?

– Она три раза спрашивала о вас, – отвечал старик, точно сразу поняв, в чем дело. – Она спрашивала, почему вы опять уехали? Я сознался, что ничего не знаю. Ей это было неприятно...

Он сделал паузу, поглядел в сторону дома управляющего и прибавил:

– Она плакала прошлой ночью... Она плакала сегодня...

Он произнес эти слова с каким-то особенным выражением, точно ожидая чего-то от Треслера.

– Что случилось? – коротко и резко спросил Треслер.

– Может быть, она чувствует себя одинокой, – ответил Джо.

– Нет, это не оттого! Вы знаете какую-нибудь другую причину!

Джо посмотрел в сторону и сказал:

– Джек приходил. Но я думаю, что она все же одинока. Она спрашивала про вас.

Треслер понимал его мысли. Если бы Джо мог поступать по своему желанию, он проводил бы их обоих к ближайшему пастору. На это потребовалось бы не больше времени, чем сколько нужно, чтобы оседлать двух лошадей.

– Я увижу ее сегодня ночью, – спокойно ответил Треслер. – А теперь вы лучше уходите к себе. Может быть, я приду к вам потом.

Джо тотчас же удалился. Джек видел их обоих, но это не возбудило в нем особых подозрений. Он думал о ссадинах на своем лице и еще о чем-то другом, что заставило его злобно усмехнуться.

Прием, оказанный Треслеру его товарищами в бараке, был очень радушный. Все были рады его видеть. Кругом шел веселый говор, сыпались шутки, подчас грубые, но всегда чисто-сердечные. Треслера все любили на ранчо. Пусть он «неженка», но он хороший парень, а это главное.

После ужина Треслер ушел под тем предлогом, что ему нужно вычистить свою лошадь и седло. Он взял ведро с водой и, пройдя к нижним коралям, разложил там свои принадлежности, но не принимался за работу, пока не увидел Аризону. Этот странный человек прошел мимо Треслера с равнодушным видом, точно ему было все равно, вернулся он или нет.

Треслер прекрасно знал повадки своего товарища и продолжал усердно чистить свое седло, не обращая на него внимания. Тогда Аризона уселся на упавшее бревно, сплюнул табачный сок и, обхватив одно колено обеими руками, заговорил свойственным ему решительным тоном.

– Слушай! Джек спрятал свои зубы! Но он еще покажет их...

– Ты думаешь?

– Ну да! Если б я был на его месте, то не оставил бы этого так. Наверно, он что-нибудь замышляет. Ты в такой же безопасности теперь, как если бы попал в лагерь индейцев, готовящихся к войне.

– Какой же новый удар он готовит для меня? – спросил с улыбкой Треслер.

– Ну, я не обладаю такой силой воображения, чтобы угадать это. Никогда не знаешь, какую дорогу изберет слепой мул, чтобы удариться головой. Я только советую тебе наблюдать за ним. Не смотри на восток, когда он находится на западе. Эх вы, британцы! – прибавил он с негодованием. – Какая польза ударить человека и сделать ему больно! Ведь это только приведет его в бешенство. Револьвер в руку и стреляй без промаха – вот что нужно. Ты только наделал себе хлопот. Нет, вы, парни, совсем не годитесь для наших условий.

– Может быть, – отвечал Треслер, добродушно улыбаясь. – Ну, а ты возвращаешься к диким временам, к доисторическим...

– Я мало знаком с теми временами, которые были до меня, – возразил Аризона с важным видом. – Но если ты имеешь в виду таких парней, которые колотили друг друга по голове дубинками, то я позволю себе сказать, что у них было больше здравого смысла, чем у ваших британцев.

Аризона был в ударе и продолжал высказывать свое нелестное мнение о британцах, не встречая возражений со стороны Треслера. Потом он вдруг заговорил о Джо Нелсоне, который в последнее время очень изменился. Как будто его что-то сильно беспокоило.

– Может быть, это религия, – сказал задумчиво Аризона. – Ведь ничто так не путает мысли в голове, как религия. А Джо всегда имел к этому склонность.

– Не думаю, – с улыбкой заметил Треслер. – У Джо есть другие причины для беспокойства. Джек его серьезно преследует, и если Джо все-таки остается здесь, то, вероятно, он имеет в виду какую-нибудь цель. Джо достаточно умен, чтобы добиться своей цели, какова бы она ни была.

– Возможно, – согласился Аризона. – А все-таки религия тоже сбивает с толку. Я видел, как этот самый Джо, ухлопавший человека, напавшего на него на большой дороге, плакал, как новорожденный ребенок, потому что в поселке Лон Брек не оказалось церковных книг, а он сам забыл все молитвы. И вот вместо того, чтобы похоронить убитого как подобает, Джо оставил его лежать там, в добычу койотам. Но это было раньше. Теперь Лон Брек изменился. Теперь у них есть Библия. Она лежит на кафедре в молитвенном доме, и все парни могут ходить туда и любоваться на нее... Нет, религия бедовая вещь, если ей дать ход, – прибавил он, глядя на Треслера своими блестящими глазами. – Нечто вроде лихорадки. Меня ведь она тоже коснулась там, в Техасе, на мексиканской границе. Была там одна леди, к которой я был расположен. В большинстве случаев мы заражаемся религией от женщин. Она является внезапно, и отделаться от нее нелегко. И признаки этой болезни всегда одинаковы. Мы вдруг начинаем возмущаться, если люди раздражаются проклятиями и богохульством. Мы охотно помогаем их выпроваживать. Мы ненавидим пьянство и осуждаем тех, кто часто прибегает к бутылке. И сами не можем пить, потому что водка выворачивает наше брюхо. Это все важные признаки. Тот, у кого они появляются, лучше всего сделает, если отправится прямо в молитвенный дом. Так было со мной...

– И ты пошел? – спросил Треслер.

– Да. Это было не так легко, признаюсь. Мои нервы выдерживают многое. Но с религией дело другое! Притом же всегда найдутся парни, которые рады тебя морочить. Тебе говорят и то, и другое. У кабатчика Насси Уилкса была когда-то религия, но, я думаю, он позабыл многое с тех пор, как уселся за стойку. Однако мне он кое-что рассказал, например, что они употребляют много воды и большею частью купают в ней новичков. По этому случаю я влил себе в глотку с дюжину чарок виски, что должно было предохранить меня от простуды. Таким образом я пошел на молитвенное собрание.

– Какой секты? – спросил Треслер с любопытством. – Какой религии? – прибавил он, видя, что Аризона не понял его вопроса.

– Я не знаю хорошенько, – ответил Аризона. – Мне кажется, наши парни называли их «перекрещенцами». Но разве в этом дело! – с жаром воскликнул он, недовольный тем, что его прерывают. Треслер смолчал, и Аризона, успокоившись, продолжал свой рассказ:

– Молитвенный дом был почти пуст, когда я пришел. Был там только один парень, который играл на гармонiuме. Я готов был плакать, глядя на него. Лицо у него было такое благородное, его длинные волосы были смазаны жиром, и глаза его были устремлены к потолку. Он играл, ни на что не обращая внимания, и его никто не мог остановить. Собрались другие люди, и пришел дьякон, который и велел ему перестать. Я был рад, что пошел на это собрание. Я чувствовал себя прекрасно и думал, что больше никогда не притронусь к оружию, никогда не буду богохульствовать, хотя бы мне заплатили десять долларов за каждое ругательство. Я сидел и смотрел на всех этих людей, собравшихся на религиозный митинг, и думал, что я всех их могу любить, как братьев...

Аризона с минуту помолчал, и взгляд его как будто смягчился. Потом он глубоко вздохнул и снова заговорил:

– Но так не могло долго продолжаться! Нет, религия не для таких, как я. Нельзя быть чертом и путаться с ангелами. Они выгонят тебя, и это вполне естественно. Знаешь, я ведь жевал табак, а сплевывать было некуда. От этого все и вышло. Сидел против меня на скамье какой-то паренек со своей девицей, и, должно быть, табачный сок попал прямо на ее шелковую юбку. Я видел, что она посмотрела на пол, подобрала свои юбки и вытерла руки платком. Затем она огляделась кругом и взглянула на меня. Я же был полон дружеских чувств и потому улыбнулся ей, не зная, что она возмущена моим поведением. Она шепнула что-то своему соседу, после чего тот повернулся ко мне и, выпучив на меня свирепые глаза, заявил: «Этот дом не для тех, кто жует табак, мистер! Откуда вы притащились сюда?» Но если он забыл, что мы находились в молитвенном доме, то я хотел ему доказать, что я-то не забываю этого, и потому я вежливо ответил ему с улыбкой: «Сэр, я признаю, что мы пьем не из одного и того же корыта». Я видел, однако, что это ему не понравилось. Затем кто-то поднялся сзади и крикнул: «Тише!» Я думал, что дело обойдется, но этот упрямый, тупоголовый мул оказался очень сварливым и пожаловался другому на то, что я жую табак, и тот сказал мне: «Вы не можете жевать табак здесь. Вы пачкаете даме платье». Я все-таки человек и готов был вспылить, но, не желая вызывать ссоры, выплюнул свою жвачку. И вдруг я увидел перед собою дуло револьвера, и этот парень обрушился на меня с ругательствами. Все повскакали со своих мест. Проповедь прервали и позабыли о всякой молитве. Но я не стал больше ждать. Я понял, что случилось: мой второй плевок как раз угодил в локоть даме, когда она оправляла свои юбки. Потом я увидел его высокую, как печная труба, шляпу под лавкой. В один момент я схватил ее и, прежде чем он успел спустить курок, всадил ее ему на голову так глубоко, что закрыл ему глаза и он не мог видеть. Я крикнул ему: «Выходите наружу, и мы решим это дело, как честные граждане». С этими словами я выбежал из молитвенного дома. Он тоже вышел. Мы разрешили это дело. Он умел владеть оружием, и я целый месяц хромал после этого. Но в городе это вызвало большой переполох.

– Ты убил его? – спросил Треслер.

– По правде говоря, мне не было времени расспрашивать о подробностях. Я поторопился исчезнуть как можно скорее, позабыв о религии... Нет, сэр, религия не для меня!

Аризона вздохнул с сожалением. Пока он рассказывал, Треслер успел кончить свою работу. Несколько раз ему хотелось рассмеяться, но один взгляд на серьезное выражение лица Аризоны удерживал от этого. Ему было жаль этого бродягу, у которого не было будущего. Треслер знал, что, несмотря на все свои хорошие задатки, Аризона будет жить так, как жил до сих пор, погонщиком скота, пока будет находить место. Но если когда-нибудь он останется без заработка, то займется тем, чем занимается большинство ковбоев, когда они лишаются

работы: начнет воровать скот и кончит свои дни, вероятно, на конце веревки, свешивающейся с какого-нибудь высокого дерева.

Треслер собрался уходить, когда Аризона внезапно поднялся и остановил его жестом.

– Я ведь хотел говорить с тобой о другом, – сказал он. – Я хотел рассказать тебе, что тут было, когда ты уехал. Я слышал разговор Джека и мисс Дианы. Он ей сказал: «Вы больше не будете видеться с Треслером. Ваш отец знает, что вы с ним переговаривались, и это его взбесило. Предупреждаю вас. Вам же я хочу сказать следующее: вы выйдете замуж за меня. Старик вас заставит, если вы сами не хотите». Но мисс Диана расхохоталась ему в лицо, хотя смех ее был не совсем искренний. «Отец никогда не позволит мне выйти замуж ни за кого! И вы это прекрасно знаете...» – «Тогда я заставлю его, – ответил Джек, и лицо его приняло злобное выражение. – Все его великолепное ранчо, весь его скот и земля, все его богатство не помогут ему, если он не отдаст вас мне. Я могу заставить его лизать мои сапоги, если мне захочется. Понимаете!..» Больше не было сказано ни слова.

– Что же, по-твоему, это значит? – спокойно спросил Треслер.

Аризона вспыхнул. Его дикий нрав вырвался наружу.

– Я не задумывался над этим! – воскликнул он, сверкнув глазами, и затем, подойдя вплотную к Треслеру, проговорил шепотом: – Это должно случиться. Ему нельзя жить. Вот что я думаю. Я пойду прямо в его хижину и скажу ему, кто он... вы понимаете. Он обозлится... прекрасно. Я заплачу ей свой долг благодарности. Другим путем я не могу его уплатить. Я уж позабочусь о том, чтобы моя пуля попала в его голову, прежде чем он попадет в меня...

Аризона поглядел с торжеством на Треслера. Он находил свой план великолепным. Ведь он сразу разрешал все затруднения и навсегда должен был избавить Диану от Джека. Индеец почувствовал себя обиженным, когда Треслер неодобрительно покачал головой и сказал ему:

– Ты плохо уплатишь ей свой долг, если сделаешь это. Джек, вероятно, хотел только попугать ее. Не забудь, что он управляющий ее отца, человек, которому ее отец доверяет и на которого он полагается.

– У вас нет никакой смелости, знаете ли, – возразил Аризона с негодованием. – Ведь ему не нужно будет никакого управляющего, если Джека не будет на дороге. Вы женитесь на его дочери, и тогда...

Но Треслер прервал его.

– Довольно, Аризона, – сказал он серьезно. – Больше мы не будем говорить об этом. Мне надо идти. У меня есть еще другие дела.

Они пошли вместе по дороге, но уже больше не разговаривали. Аризона угрюмо молчал, а Треслер был слишком погружен в свои мысли. Хорошо, что Аризона заговорил с ним о своем плане, прежде чем привел его в исполнение. Но, во всяком случае, из его слов Треслер вывел заключение, что ему надо подумать о том, как помочь Диане. Он должен объясниться с ней. Она не давала ему права вмешиваться в ее дела, но это право дает ему его чувство к ней. Он имеет право, как и всякий другой, добиваться ее любви и стараться победить сопротивление старика.

Было уже совсем темно, когда он снова вышел из барака и направился в сторону леса. Он вспомнил свою прогулку в первую ночь своего прибытия на ранчо и хотел теперь подойти той же дорогой к дому слепого.

Тишина и мрак окутывали ранчо. В прерии смолкли все звуки: мычание скота, лай собак, голоса людей и топот лошадиных копыт. Только жалкое кваканье лягушек на реке Москито да изредка завывание койота, доносившееся издали, нарушали спокойствие летней ночи.

Во время этой прогулки Треслер впервые испытал на себе влияние, которое, рано или поздно, прерия оказывает на каждого человека, серьезно желающего приобщиться к ее жизни. Она начинает подчинять его своему очарованию лишь тогда, когда пройдет первый период приспособления. Безграничность, молчание и глубокая уединенность прерии, не исчезающая

даже в ее поселениях и городках, подавляет человека, действуя на его примитивные чувства и возвращая его из области европейской культуры к первобытной жизни и ее требованиям. И тогда дикарь, скрывающийся под обликом цивилизованного человека, вырывается на свободу. Что ж удивительного, если над всем берет верх главный инстинкт – инстинкт самосохранения!

Каждый имеет право защищать себя от нападения врагов, и так всегда поступали люди, которые были теперь товарищами Треслера. Он лучше понимал их теперь, и под влиянием этих мыслей ему начинало казаться, что цивилизованные народы придают слишком большую цену человеческой жизни. Он уже больше не возмущался тем, что здесь прибегали к оружию по малейшему поводу. Это составляло одну из главных особенностей пограничной жизни, где не существовало суда и каждый считал себя вправе отстаивать свою жизнь и свою собственность.

Раздумывая об этом, Треслер сам приписывал свои мысли деморализующему влиянию окружающих условий и его товарищей, не признающих законов. Но, несмотря на это, он чувствовал, что к ним было нечто более глубокое, более прочное и жизненное, чем казалось с первого взгляда. И он чувствовал, как росла и крепла его связь с этими примитивными людьми.

Он уже миновал окраину леса и возвращался домой. Густые ветви деревьев заслоняли от него ранчо. Он пристально всматривался, не мелькнет ли где-нибудь огонек. Рабочий барак был окутан темнотою, но в домике Джека все еще виднелся свет. Впрочем, это не казалось ему подозрительным. Он знал, что управляющий имел обыкновение долго не тушить свою лампу. Может быть, он читал по ночам. Треслер улыбнулся при этой мысли. Интересно бы знать, какого рода литература приходится ему по вкусу!

Однако свет в домике Джека скоро погас. Треслер дошел до опушки леса, как раз напротив строений ранчо, как вдруг какой-то непривычный звук заставил его вздрогнуть. Он услышал шепот голосов, доносившийся издали. Говорившие, кто бы они ни были, по-видимому, не двигались с места. Голоса их не затихали, но и не становились громче. Треслер был заинтересован и осторожно начал приближаться. Шагов его не было слышно благодаря мокасинам, которые он носил. Он старался определить, откуда доносились голоса. Ему казалось, что откуда-то по соседству, из отдельной конюшни фермера. Но он еще не был уверен в этом.

По мере того как он приближался к конюшне, голоса становились громче. Он слышал повышение и понижение звуков, но не мог разобрать, кто говорил. Из осторожности он снова остановился. Было небезопасно двигаться дальше. Любопытство, однако, не давало ему покоя, и при обыкновенных обстоятельствах он, конечно, рискнул бы приблизиться к говорившим. Но теперь это могло повредить его главной цели.

Он растянулся под низким кустом, откуда мог наблюдать, оставаясь незамеченным. Быть может, это был тот самый куст, под которым он лежал в ту памятную ночь. Это воспоминание вызвало у него зловещие предчувствия, которые не замедлили оправдаться.

Он услышал, как была заперта дверь, и голоса внезапно умолкли. Немного позже послышался треск сосновых шишек под копытами лошадей. Это было повторением уже виденного им раньше. Два всадника приближались по направлению к дому. Казалось, он должен был схватиться за оружие, но инстинкт прерии – древний инстинкт самосохранения – уже достаточно овладел им. Он быстро отдернул руку, которая уже прикоснулась к кобуре револьвера.

Может быть, это был Красная Маска. Даже весьма вероятно! Но Треслер не хотел повредить своим планам таким внезапным, необдуманым нападением на разбойника. Если Красная Маска и Джек были одним и тем же лицом, то, хладнокровно застрелив его вблизи ранчо, Треслер оказался бы в глазах полиции простым убийцей, и никакие его показания не убедили бы присяжных Москито-Бенд, что управляющий ранчо был грабителем скота.

Через минуту он мог разглядеть очертания лошадей. Их было две, как и прошлый раз, но все-таки он не мог хорошо рассмотреть всадников. В лесу было темно, и лошади проехали от него довольно далеко.

Они исчезли, как безмолвные тени, и только стук копыт обнаруживал, что это были живые существа.

Треслер подождал, пока звуки замерли окончательно, и тогда поднялся и пошел дальше. Но то, что он видел, навело его на грустные размышления. Ночные всадники опять отправились в свой разбойничий поход. Убийство и грабеж на их пути! Он думал о том, кому суждено стать их жертвой в эту ночь, и с содроганием вспомнил Менсона Орра. Теперь он досадовал на себя за то, что дал им спокойно проехать мимо. Но тут он вспомнил о молодой девушке, такой одинокой и беспомощной в своем собственном доме. Он должен прежде всего позаботиться о ней. В ушах его прозвучали снова характерные слова Джо Нелсона: «Ты должен как можно скорее взять эту девушку в свой кораль и наложить на нее свое клеймо»...

Глава X

Гроза

Треслер продолжал соблюдать величайшую осторожность, хотя всадники были уже далеко и не могли его слышать. Теперь ему надо было пройти мимо комнаты слепого, а он знал, что этот человек обладал почти сверхъестественным слухом. Предполагая, что он еще не спит, Треслер двигался очень тихо, поминутно останавливаясь и прислушиваясь. Он подошел к самой конюшне, но не услышал ничего, кроме тяжелого дыхания животных и бряцания цепей. Ему хотелось бы произвести дальнейшее исследование, потому что стук закрываемой двери исходил как раз отсюда, но он удержался. Было бы совершенно излишним и, пожалуй, даже опасным поднимать Энтони, который спал над конюшней, а между тем не было другого способа узнать, что произошло.

Треслер продвигался неслышными шагами, прячась в тени большого дома. Он уже миновал опасное место, куда выходило окно из спальни фермера, и добрался до кухни. Но тут его ждало первое разочарование. Сначала он обрадовался, увидев там свет, но тотчас же заметил, что плотная штора была опущена, и не было ни одной щелки, через которую он мог бы рассмотреть, что делалось в комнате. Он не решался подойти к двери, не зная, кто находится за нею, и на мгновение остановился в нерешимости. Тут он вспомнил, что в кухне было другое окно с противоположной стороны дома, но для того, чтобы подойти к нему, надо было снова идти через открытое место.

Не колеблясь, он обошел кругом. Он старался не производить никакого шума, но, по-видимому, и это было излишним, так как спальня слепого находилась с другой стороны. Кроме того, если его подозрения были справедливы, то Джек уже отправился на свой ночной промысел.

На этот раз судьба была более благосклонна. Штора была спущена, но нижняя часть оконной рамы оказалась поднятой, и, отодвинув штору, Треслер мог заглянуть в комнату. Он так и намеревался поступить. Вдруг он услышал чей-то тихий плач. Он остановился, прислушиваясь, и затем, затаив дыхание, схватился за конец шторы. Он знал, кто плакал. Это могла быть только Диана!

Любовь к ней, так внезапно вспыхнувшая в его сердце, теперь, при звуке ее рыданий, охватила все его существо. Он быстрым движением отодвинул штору и заглянул в комнату.

Диана сидела в самом дальнем углу кухни, раскачиваясь на стуле, точно под влиянием физической боли. Ее прелестная головка была низко опущена, и все тело ее вздрагивало от сдерживаемых рыданий. Треслер сразу заметил, что ее руки, обнаженные до локтя, распухли и были покрыты ссадинами. Он стиснул зубы и, позабыв всякую осторожность, с силою раскачал плотную штору.

– Диана, это я, Треслер...

Девушка вскочила и посмотрела на окно, прикрывая глаза рукой и стараясь спустить рукава. Ее мужественные усилия совладать со своим горем были напрасны. Она сделала шаг к окну, но тотчас же быстро отпрянула назад, и в ее глазах, наполненных слезами, появилось выражение ужаса. Треслер окинул взглядом комнату, чтобы отыскать причину ее испуга, но не увидел ничего, кроме осколков разбитой лампы на полу и дремлющей кошки. Затем по ее позе напряженного внимания он догадался, что она прислушивается к знакомому и грозному постукиванию палки ее отца. Треслер тоже прислушался, но все было тихо кругом, и он снова прошептал:

– Я должен говорить с вами, мисс Диана. Откройте мне дверь.

Он тотчас же понял, как странно должна была звучать эта просьба в ушах девушки. Ведь она не знала о его решении прийти к ней на помощь и не могла даже подозревать, какое чувство

им руководило. Поэтому он с некоторой тревогой ждал ее ответа. Она вытерла слезы и быстро подошла к окну.

– Подойдите к двери скорее! – прошептала она и снова поспешно отошла от окна, точно ей угрожала какая-то невидимая опасность.

Треслер обошел кругом и остановился в тени, ожидая, пока дверь откроется. Щелкнул засов, и дверь тихо приотворилась. Тогда он тотчас же проскользнул в комнату.

– Мы должны закрыть его, – сказал он, указывая на окно.

Диана беспрекословно повиновалась. Потом она подошла к нему и взглянула на него с таким трогательным доверием, что он сразу почувствовал себя ответственным за всю ее жизнь.

– Нам нужно о многом поговорить с вами, и другие не должны слышать этого, – сказал он.

– Кто эти другие? – спросила она с тревогой. Треслер решил, что лучше говорить прямо.

– Ваш отец, например.

– В таком случае нам лучше запереть дверь в коридор, – заметила она и тотчас же пошла сделать это. Она вернулась на прежнее место, спокойная, и глаза ее были сухие.

– При чем тут мой отец? – спросила она резко.

Треслер, не отвечая ей, указал на разбитую лампу на полу.

– Здесь у вас что-то произошло! – заметил он.

Его голубые глаза не отрывались от ее лица.

– Да, – отвечала она после едва заметного колебания и затем с досадой прибавила: – Но ведь вы не ответили на мой вопрос.

– Я отвечу позднее, а теперь позвольте мне действовать, как я нахожу нужным.

Его серьезность произвела на нее впечатление. Она чувствовала, как он подчинял ее своему влиянию. А между тем ей хотелось бы многое скрыть от него. В то время как они разговаривали, она натянула рукава платья на свои израненные руки.

– Подождите, мисс Диана. Дайте мне посмотреть...

Он хотел взять ее за руки, но она отодвинулась от него.

– Сомневаюсь, чтобы это было случайно, – сказал он, пожимая плечами и смело заглядывая ей в глаза.

Диана нетерпеливым жестом откинула голову назад, и легкий румянец гнева окрасил ее щеки.

– А если и так, если это не была случайность! – проговорила она.

– Ссадины на ваших руках или разбитая лампа? – спросил он.

– И то и другое.

– В таком случае это дело рук злобного человека. Вы не станете по своей воле ранить себя, Диана... Есть ли у вас какое-нибудь основание не доверять мне? – продолжал он, и голос его сразу смягчился. – Я хочу избавить вас от неприятности рассказывать мне. Ваш отец был здесь, и все это его дело.

Выражение гнева исчезло с лица девушки, и она исподлобья взглянула ему в глаза.

– Но как вы... – смущенно начала она и замолчала.

– Я не знаю, что тут произошло между вами, и не стараюсь узнать, – продолжал Треслер, не обратив внимания на ее восклицание. – Для меня достаточно видеть результаты. Вы несчастны! Вы были необыкновенно несчастны в течение всех этих дней. Вы много плакали! А теперь на ваших руках видны знаки насилия.

Под его взглядом Диана потупила голову и посмотрела на разбитую лампу.

– Должен ли я говорить дальше, все рассказать вам? Пожалуй, это будет лучше.

Диана кивнула головой, все еще не поднимая глаз.

– Вы знаете многое, но, может быть, смотрите на это иначе, чем я, – продолжал он твердо. – Мы находимся в самом центре гнусного заговора, и нам надо его разрушить. А вам угрожает брак с негодяем, которого следовало бы стереть с лица земли. И это все работа одного

человека, которого мы считаем бичом этой страны. Мы называем его Красной Маской или Джеком Гарнак, смотря по тому, когда и где мы встречаемся с ним. Но разве так может продолжаться без всякого протеста с нашей стороны? Можете ли вы покориться этому? Должен ли быть принесен в жертву ваш отец?

Девушка покачала головой.

– Нет, – ответила она, с трудом справляясь со своим волнением. – Но что же мы можем сделать? Я предостерегала отца. Я сказала ему все, что вы говорили мне. Он рассмеялся. Тогда я рассердилась. Он тоже рассердился и... вот это было результатом... О, он ненавидит вас, потому что верит рассказам Джека. Он отвергает все мои обвинения против Джека и обращается со мной хуже, чем с какой-нибудь сплетницей-служанкой. Что же мы можем сделать?

– Мы можем, и мы сделаем. Конечно, не в одиночку, а вместе, вы и я, – сказал он с жаром.

Что-то в его взгляде и в его манерах заставило ее снова опустить глаза. Но он уже не мог остановиться.

– Диана, вы одиноки, так страшно одиноки, и я не знаю, чем это может кончиться, если так будет продолжаться! – воскликнул он. – Я люблю вас, Диана, и хочу быть вашим защитником. Вам нужен преданный друг, я вижу это, и вы сами это понимаете. Поверьте мне, я вовсе не пустой хвостун. Пока я жив, я буду защищать вас. Я принадлежу вам, все равно, возьмете ли вы меня или нет.

Диана имела время оправиться от своего первоначального смущения. Она знала, что любит Треслера, что она полюбила его с первой минуты знакомства с ним. Он был так не похож на других обитателей ранчо. Но она всегда боялась выдать ему свои чувства. Ведь она почти не имела никаких сношений с другими женщинами. Отец старался изолировать ее и держал около себя, как рабыню. Но она не умела притворяться, и теперь, когда он высказал ей все, она без колебания протянула ему руку.

– Джо был моим верным защитником в течение многих лет, мистер Треслер, – сказала она тихо. – Я знаю его и ценю. Но я... я хотела бы иметь вас своим другом.

Треслер больше не сдерживался. В этом теперь не было никакой надобности, и глаза Дианы наполнились слезами, но то были уже другие слезы – слезы счастья.

– А теперь, дорогая моя, мы должны вернуться к действительности, – сказал Треслер, выпуская ее из своих объятий. – Если я хочу быть твоим защитником, то это серьезно, и я должен помнить свое дело. Нам не время предаваться мечтам, это...

Он вдруг остановился, легкое движение шторы позади него привлекло его внимание.

– Я думал, что ты заперла окно?

– Я тоже думала, что заперла его. Но, может быть, я этого не сделала.

Она хотела подойти, чтобы удостовериться, заперла ли она окно как следует, но Треслер отстранил ее и сам подошел к окну. Оно оказалось приоткрытым. Тогда он запер его на задвижку и вернулся к ней с беспечной улыбкой, которая, однако, не обманула девушку.

– Да, ты оставила окно открытым, – сказал он и тотчас же прибавил: – Теперь нам надо торопиться. Джек может угрожать сколько ему угодно, но тебе он ничего не сделает. Прежде чем случится что-нибудь такое, что может тебе повредить, я буду возле тебя. Джо – прошу у него прощения – будет нашей сторожевой собакой. Помни, что ты больше не одинока. Мне нужно, чтобы ты зорко следила за своим отцом и постаралась разузнать, как ведет себя Джек с ним. Боюсь, что Джек замышляет что-то относительно твоего отца. Мы даже не можем угадать всех его планов. Он может попытаться тем или иным способом заставить меня умолкнуть, прежде чем приведет их в исполнение.

– Как? – В голосе Дианы прозвучал испуг.

– Я не знаю, но это не важно. Я уже все обдумал. Важнее всего то, что ночные всадники снова отправились в поход. Я видел их по дороге сюда, в том самом месте, где видел их раньше. На этот раз я не буду скрывать, что знаю это.

– Вы хотите сказать это Джеку прямо в глаза!

Диана испуганно и в то же время восхищенно взглянула на него.

– Конечно, – ответил Треслер. – Для меня это единственный способ вмешаться в борьбу. Тогда я подвергнусь открытому нападению, если только наши догадки справедливы... Но становится поздно, и я должен идти. Я хочу видеть их возвращение.

Диана с застенчивой улыбкой подошла к нему. Она старалась быть мужественной, но, видимо, была взволнованна.

– Мистер Треслер, – сказала она.

– Меня зовут Джон, – прервал он ее.

– Джон, – повторила она, слегка краснея. И то, что она произнесла его имя, казалось, закрепило связь между ними. – Разве так уж абсолютно необходимо говорить Джеку?

– Да, да, абсолютно необходимо, дитя мое, – торопливо проговорил он, обнимая и целуя ее. – Но ты должна доверять мне. Я не буду поступать необдуманно. Я сделаю все, что мне нужно сделать. Но помни одно: если со мною что-нибудь случится, у тебя остаются два друга, на которых ты можешь положиться: Джо и Аризона. Они никогда не допустят, чтобы ты сделалась добычей Джека. Но я надеюсь, что со мною ничего не случится. Не теряй мужества, дорогая моя!

– Джон! Я постараюсь быть мужественной и помогать тебе как умею. Прощай, Джон!

Они еще раз поцеловались, и Треслер быстро вышел наружу. Там он остановился и напряженно прислушался. Он нисколько не обманывался и прекрасно знал так же, как знала и Диана, что она закрыла окно. Кто-то открыл его снаружи. Но кто и с какой целью?

Ночь изменила свой облик. Темнота увеличилась, и на небе не было видно ни одной звезды. Только свет из окна кухни мог служить ему руководителем в окружающем мраке. Он подождал с минуту у крыльца, но, по-видимому, ничего не было такого, что могло бы возбудить его тревогу, и он двинулся в путь.

Теперь ему надо было обойти маленькую пристройку, где спал Джо. Дверь этого помещения оказалась открытой. Треслер заглянул туда и хотел было разбудить Джо, но его не оказалось на месте. Это озадачило Треслера. Где же мог находиться старик, и что он делал в такой час ночи?..

Треслер медленно пошел дальше, раздумывая об этом. По привычке он не оставлял ни малейшей подробности, не подвергнув ее тщательному исследованию. Так же, как открытое окно, отсутствие Джо требовало объяснения, хотя он и не считал его способным на измену.

Надвигалась гроза. Сильный порыв ветра подхватил Треслера, и невидимый дождь стал хлестать ему в лицо. Через минуту сверкнула молния, и послышался отдаленный гром.

Он ускорил шаги и, обойдя дом, вышел на открытое место, не защищенное деревьями. В кухне уже не было света, – очевидно, Диана ушла спать. Вторая молния осветила окно возле него. Он машинально протянул руку и ощупал подоконник. Теперь окно было плотно закрыто.

Гроза приближалась, и дождь начал лить потоками. Треслер бросился бежать. Он хотел видеть возвращение ночных всадников, но при таких обстоятельствах это было невозможно.

Пробежав несколько шагов, он вдруг остановился. Ему показалось, что он слышит сквозь шум дождя где-то недалеко топот ног. Но дождь еще усилился и поглотил все звуки. Бесплезно было ждать дальше. Он быстро направился мимо коралей к бараку, но через несколько шагов снова остановился. Сверкнувшая молния осветила двух бегущих людей. Один бежал прямо на него, другой же подбегал сзади, с левой стороны. Он ясно видел обоих и, невзирая на дождь, стал ждать, когда снова сверкнет молния. Тут было что-то странное, и он хотел разгадать эту тайну.

Гроза продолжалась всего несколько минут, и следующая молния заставила себя долго ждать. Наконец небо на западе снова осветилось, и тогда Треслер увидел перед собою человеческую фигуру с каким-то тяжелым орудием в руке. Он отскочил в сторону, но было уже

поздно. Сильный удар по голове свалил его на землю. В ушах его загудело, и он потерял сознание. Затем слабая, отдаленная молния на мгновение осветила человека, нагнувшегося над ним и, по-видимому, желавшего удостовериться в его смерти.

Через полчаса дождь прекратился, и на небе снова засияли звезды. Треслер продолжал лежать, распростертый на земле, в пятидесяти ярдах расстояния от ранчо. Но теперь уже кто-то другой склонился над ним. Это было маленькое смешное существо с седой головой и сморщенным лицом.

Джо Нелсон пустил в ход все свое искусство, чтобы привести в сознание своего приятеля. В течение долгого времени все его усилия казались тщетными, и, когда он уже начал терять надежду, Треслер вдруг пошевелился. Вскоре он пришел в себя и приподнялся, схватившись рукою за голову. На лице его появилось выражение сильного страдания.

– Что это со мной? – пролепетал он. – Моя голова... Джо...

– Тебя чуть было не убили, – сказал Джо. – Я следил за этим негодяем более часа, но затем потерял его из виду. Будь он проклят!..

В этом восклицании вылилась вся ненависть, на которую он только был способен.

– Кто? – спросил Треслер коротко.

– Здесь есть только один человек, который, как мне кажется, готов вас убить.

– Джек? – сказал Треслер тем же тоном.

– Конечно, – решительно ответил Джо.

– Не может быть, Джо! Я видел, что ночные всадники сегодня ночью уехали. Это было за полчаса до начала грозы...

Джо промолчал. Затем он спокойно потребовал, чтобы Треслер отправился домой, и повел его к бараку.

Глава XI

Треслер бросает вызов

Эта ночь надолго запечатлелась в памяти Треслера. Он устал душевно и телесно, но так и не мог уснуть, когда улегся на свою койку. Голова его страшно болела, в висках стучало, но не это одно мешало ему спать. Мысли его вертелись вихрем, и разные сцены, одна за другой, проносились у него перед глазами без всякой последовательности. Ему казалось даже, что он сходит с ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.